

Сергей
Бакшеев

Чужими руками

Серия "Петля"

Сергей Павлович Бакшеев
Чужими руками
Серия «Петля», книга 7

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800110
Чужими руками / Сергей Бакшеев: Авторское; 2019*

Аннотация

В своем автомобиле задушена актриса, отнюдь не звезда, она никому не мешала. И это только начало странных событий, связанных с киностудией. Следователю Петелиной в ходе нового дела придется столкнуться со множеством неоднозначных обстоятельств, с которыми она еще не сталкивалась. Ведь одно дело – играть роль и совсем другое – подлинная суть человека.

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	19
5	27
6	32
7	37
8	46
9	53
10	57
11	63
12	69
13	77
14	83
15	90
16	98
17	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Бакшеев

Чужими руками

1

Дрожание рук нужно прекратить. Обязательно. Предстоит действовать хладнокровно, без права на ошибку. К решающему моменту следует подготовиться.

Ногти впиваются в упаковку и разрывают тонкий целлюлоид. Внутри картонка с изображением идеальных женских ножек. Разворачиваем – и на ладони пара черных чулок, приятных на ощупь. Плотные, крепкие, с широкой кружевной резинкой, они созданы для соблазнения, от них теряют разум, но можно потерять и жизнь.

Секунды сомнения позади. Пальцы раздвигают чулок и натягивают черную ткань на голову. Лицо скрыто, а дышится легко – замечательное изобретение. Взгляд в автомобильное зеркало – нос приплюснут, уши прижаты, ткань плохо просвечивается и невозможно понять, кто прячется под черной маскировкой. Сразу становится спокойнее. Второй чулок не менее важен: его концы накручиваются на руки, растягиваются – и удавка готова.

Неужели, убить человека настолько просто, как это показывают в кино? Современные фильмы учат многому из того,

что не узнаешь в школе. Например, удушению: неожиданно обхватить горло удавкой, затянуть ее изо всех сил и не отпускать. Держать, держать, пока длятся конвульсии! Минуты две-три – и человека не станет. Всего-то!

А вот приближается цель. Засада оказалась недолгой. Замереть, притаиться...

Милена подходит к своему автомобилю, садится за руль. Она расстроена и не замечает угрозы.

Только что на киностудии девушке дали понять, что главная роль в новой картине ей не светит. На режиссера еще можно попытаться повлиять, он кобелина известный, однако решающий голос здесь за продюсером, а тот крепкий орешек. Денежный мешок, а не мужик. Не нравится ему ее мимика. Ограниченная и неестественная – так и сказал, урод! Будто она сама не знает, что после неудачной контурной пластики у нее проблемы. Но они временные, пара месяцев – и лицо начнет подчиняться ей. Неужели нельзя подождать!

А клиника еще поплатится за халтурную работу. Она сдерет с них такую компенсацию, такие деньги, что разорит.

Девчонки на студии – те еще стервы: на словах сочувствуют, утешают, а в душе радуются, что конкурентка отсеялась. Пусть подавятся!

Главная роль с хорошим гонораром ушла, но она работает по-другому. Фильм когда еще снимут, а она получит деньги сегодня. Сразу и много. У нее есть то, что стоит

дорого. Условия согласованы, встреча назначена, сейчас ей принесут круглую сумму. Она специально поставила машину подальше от главного входа в студию и не заводит двигатель. Зимой темнеет рано, все спешат разбежаться по теплым квартирам.

Вот она, сумочка, в руках. Накручивать себя не требуется, она и так зла на весь мир и не позволит себя обмануть. Сначала она увидит деньги, пересчитает их – и только потом отдаст то, что лежит в сумочке. Только в такой последовательности, она не дура!

Время пришло. Ну где же ты? Где мои деньги?

Милена вглядывается в темноту и не замечает, как сзади над ее головой взлетают руки. Она не успевает сообразить, что тень, промелькнувшая перед глазами, – это черная полоска натянутого чулка. А потом резкая боль в горле сметает разом все прочие ощущения. Разинутый рот и широко раскрытые глаза демонстрируют душераздирающую мимику, которая убедила бы самого упертого скептика в гениальности актрисы. Но это не игра, это реальное прощание с жизнью.

Ее тело и руки пытаются сопротивляться, бестолково и тщетно. Перепуганный организм мгновенно расходует остатки кислорода, паника затмевает разум, и судорожные конвульсии быстро затихают, тело обмякает.

Смертельная петля из черного чулка еще некоторое время сжимает горло, а потом ослабевает и остается на шее в виде

стильного шарфика.

Убийца в чулке, затаившийся за креслом водителя, подхватывает небольшую сумочку и покидает машину.

Фильмы не обманули – задушить человека оказалось несложно.

Алене с первого взгляда понравилась эта квартира. Добротный сталинский дом, высокие потолки с гипсовой лепниной, хрустальные люстры, полукружья портьер по краям больших окон, картины в солидных рамах, резные шкафы с книгами в благородных переплетах, старинная мебель и сверкающий черным лаком рояль посредине огромной комнаты. Про вазы, фарфор, статуэтки можно и не упоминать, хотя на полках были расставлены не безделушки, а награды престижных кинофестивалей. Правда, в доме обветшавший подъезд, старый лифт, мусоропровод с тараканами.

Лучшие годы известного кинорежиссера Георгия Чантурия и его жены актрисы Валентины Морозовой пришлись на советское время.

Сейчас династию продолжает молодой режиссер Георгий Чантурия-младший. Ну, что значит молодой, тридцать семь мужику стукнуло, хотя приятели по-прежнему зовут его Гошей.

Начинал Гоша со съемок видеоклипов, затем был пафосный фильм про тусовки «золотой молодежи». Знаменитый папа организовал хвалебные отзывы кинокритиков, однако фильм продержался на слуху всего месяц, затем о нем благополучно забыли. Как все начинающие творцы Гоша был убежден, что секрет успеха – в размере бюджета. Если ему

доверят снять блокбастер, он создаст шедевр на все времена, как когда-то отец.

Недавно Чантурия-младшему улыбнулась удача, его пригласили на съемки исторического фильма с солидным бюджетом. Собственно, поэтому начинающая актриса Алена Ланская и оказалась здесь. Родители Гоши живут в загородном доме, и она третью неделю скрашивает вечера одинокому мужчине, используя все известные ей секреты обольщения.

Режиссерская квартира Алене нравилась еще и тем, что здесь не требовалось переобуваться в тапочки. Можно было смело проходить в туфлях – важный плюс, чтобы показать себя. Сейчас, к сожалению, начало зимы, но она позаботилась об эффектных сапожках, в которых ее ножки в чулках на подвязках смотрятся обалденно. Черные чулки предназначены для Гоши – она уже раскусила его непритязательный вкус: женщина-кошка в черно-красном белье, то прильнет, то оттолкнет, а в минуты страсти и поцарапать может.

Сегодня Гоша назначил ей встречу у подъезда, мол, на студию не приезжай, задержусь. Это девушку насторожило: не вешается ли режиссеру на шею какая-нибудь конкурентка? Только попробуй, сучка, мало не покажется!

Чантурия-младший приехал с початой бутылкой виски. Судя по запаху, приложился еще в машине.

– Удачный день, – объяснил он.

«Да ты в любой день бухаешь, но я не жена, чтобы мозг

выносить», – с улыбкой подумала Алена. Легкий туман в голове мужчины был ей на руку.

Пока она прихорашивалась в прихожей, Гоша, не вытирая ног, протопал в комнату, швырнул куртку, уронил шарф и загремел стаканами, водрузив бутылку на крышку рояля.

«Хорошо иметь домработницу», – девушка оценила последствия двухминутного мужского вторжения.

Гоша щедро плеснул и ей, Алена сделала маленький глоток – блеск в глазах ей не помешает, однако плести интриги надо на светлую голову. Она надула губки, чуть отстранилась, однако эффектно выпятила грудь, жеманно накрутила на палец локон длинных русых волос, которыми гордилась, и сказала:

– Я заезжала на студию, но не смогла тебя там найти.

– Уж не следила ли ты за мной, киска? – Гоша сделал шаг ей навстречу, пытаясь обнять свободной рукой за талию.

Она шлепнула его по ладони: еще не время.

– Ты поговорил обо мне с продюсером?

– Мы обсудили с Сониным новые планы. – Гоша выпил так, словно отмечал удачу.

– Какие еще планы?

– Грандиозные! – возвел глаза к потолку Чантурия. – Помимо полного метра будем снимать сериал, Сонин обещает. Представляешь, что это значит?

Ланская хорошо представляла. Разумеется, не процесс производства, а результат. Две недели на одном из главных

телеканалов, миллионы телезрителей, узнаваемость актеров – это путь к славе. Фильм – хорошо, а сериал еще лучше. А если и то и другое – это ее шанс прорваться из амплуа сексуальной красотки-эпизодницы на орбиту востребованных актрис.

– Интересно, – проворковала она, коснувшись ладонью его плеча и проведя хвостиком светлых волос по своим полураскрытым губам.

– Полный метр останется под прежним названием – «Соперницы», а сериал назовем «Дворцовые тайны», – продолжал хвастаться Гоша. – Первый сезон запланирован на шестнадцать серий, а дальше... Завязка у нас такая, что сюжет можно развивать бесконечно.

– Откуда наполеоновские планы?

– Сонин выманил деньги у какого-то спонсора. Их надо осваивать. Декорации и костюмы будут по высшему разряду. – Гоша выпил и замурлыкал слова известной песни: – «Балы, красавицы, лакеи, юнкера. Любовь, шампанское, закаты, переулки». Все это можно будет снять, представляешь!

Алена знала, что Филип Сонин предпочитает действовать с размахом. Фильм будет рассказывать о дворцовых тайнах девятнадцатого века. В центре повествования великий князь, его скромная жена и любовница-стерва. Великий князь – младший брат императора, у которого пока нет наследника. И он – первый претендент на престол, если старшего брата не станет. Любовница организует заговор против

императора. Однако тихоня-жена князя оказывается не такой уж простушкой. Она соблазняет императора и становится его фавориткой. Женщины борются за влияние в государстве.

Алена мечтала получить одну из двух главных женских ролей. Ради этого она сблизилась с Чантурия. Затащить лавеласу в постель не составило труда, сложнее было вдолбить ему мысль, что она создана для этого проекта.

Алена позволила Гоше изрядно выпить, увлекла его к дивану, толкнула в грудь и припечатала к высокой спинке. Ее заводило то, что на этом диване сидели многие знаменитости, о чем свидетельствовали фотографии на стенах, а теперь и она – наверняка будущая знаменитость – может вытворять здесь что угодно.

Девушка сдвинула юбку вверх и оседлала мужские колени, смело раздвинув ноги так, чтобы стали видны кружевные края черных чулок. На ее бедра тут же опустились Гошины руки. Актриса куснула режиссера за мочку уха и с жаром зашептала:

- Ты обещаешь, что одна из главных ролей моя?
- Еще бы, моя киска.
- Какой образ мне подходит больше: повелительницы-стервы или показной скромницы?
- Сама, что предпочитаешь?

Гоша потянулся к девушке с поцелуем, но Алена двумя пальцами отвела его лицо в сторону и царапнула ногтями по

небритой щеке.

– А что соответствует моему характеру? – поинтересовалась она, намекая на стерву-любовницу, которую ей проще будет играть.

Разгоряченный Чантурия понял ее по-своему, обхватил за плечи, дернул к себе и опрокинул на спину.

– Повелитель здесь я, – заявил он, прижав девушку к дивану.

– Да, мой рыцарь, – ласково согласилась Алена.

В паузах между поцелуями она продолжала гнуть свою линию:

– Овечка или тигрица? Какая роль достанется мне?

– Мне нравится показная скромность в быту, которая превращается в разнузданность в постели.

– Сегодня я буду именно такой, – одна рука девушки скользнула ему под рубашку, а другая стала расстегивать ремень брюк.

Гоша вжал живот в предвкушении наслаждения, и ее ладонь протиснулась ниже.

– Хочу роль супруги князя, – быстро сориентировавшись, выдала Алена, поигрывая пальчиками.

– Считай, что она твоя, – промычал довольный Гоша.

– Обещаешь? Есть же и другие претендентки.

– Ради тебя я устраню любую, – азартно изрек Чантурия, поглаживая ее раздвинутые бедра в черных чулках.

«А я ради себя тем более», – поклялась Ланская.

В кои-то веки срочной работы у следователя Петелиной не было, осталась обычная рутина с документами, которая хотя и изматывает сильнее, чем выезд на место преступления или допросы подозреваемых, зато не находится на контроле у начальства. Опасность одна: если зарыться в бумаги с головой, быстро превратишься в сгорбленную мымру с плохим зрением. Такая перспектива ее не устраивала. Нужно сделать перерыв.

Елена вытянула руки вверх, откинулась в кресле и прогнулась. Какое облегчение! В последнее время по совету многоопытной Астаховской она по выходным ходила на йогу. Что там советуют, когда ломит спину? Упражнение «кошка-корова».

Женщина вышла на свободное пространство между столом и входной дверью, опустилась на четвереньки, наклонила голову ниже плеч и прогнула спину вверх, подобно кошке. Затем задрала повыше, прогнув спину вниз, подобно корове. Эти позы надо было чередовать много раз в такт дыханию. Спине стало легче, голова просветлела и даже настроение улучшилось от забавной мысли – как вытянется физиономия у полковника Харченко, если он заглянет сейчас в кабинет.

Проверить буйство фантазии не удалось, и слава богу, но

и возвращаться за стол не хотелось. На тумбочке были сложены уголовные дела, по которым приговор вступил в силу. Их требовалось сдать в архив. Один звонок – и девочки из канцелярии заберут и оформят, но полезнее самой размять ноги, спустившись с третьего этажа в подвал. Заодно и Астаховскую поблагодарить за очередной дельный совет – мудрая заведующая архивом щедро делилась с коллегами житейским и профессиональным опытом.

Людмила Астаховская встретила ее хитрым прищуром:

– Пришла похвастаться, что Валееву майора присвоили?

Елену задел ироничный тон: оперативник был достоин очередного звания.

– Марат заслужил, Людмила Владимировна, помог маньяка поймать, сам обезвредил.

– Наслышана. Стрелять он мастер, а вот вычислить преступника – это больше по твоей части.

– Хоть на что-то же мужики нужны, – попробовала отшутиться Елена.

– И не только для этого, – развила пикантную мысль Астаховская, взяла Елену под локоть и отвела вглубь архива, где их никто не мог слышать. – Вы с Маратом давно живете вместе, оба теперь в одном звании... Почему бы не оформить ваши отношения официально?

– Мне замуж? – натужно улыбнулась Елена, словно никогда не думала о логичном развитии отношений. – И зачем?

– Чтобы иметь общих детей, подруга. Хочешь удержать

мужчину, надо родить от него.

– Скажете тоже. Первого мужа я таким способом не удержала. Да и Валеев от своей ушел, несмотря на дочь.

– Когда это было? Молодые папаши не ценят своего потомства, другое дело зрелые мужики. Вот увидишь, он души не будет чаять в сынишке, когда ты родишь.

Елена смутилась:

– Вы так уверенно говорите «когда», а не «если».

– А тянуть с таким делом нежелательно. Природные женские часики ведут обратный отсчет. Тук-тук – и поезд уйдет. Валееву нужен сын, да и тебе тоже. Разве нет?

Сын. Звучит волнующе. Короткое слово, а столько эмоций вдруг нахлынуло на Елену. Она вспомнила, как кормила грудью и нянчила Настю, как та тянулась к ней маленькими ручонками и заглядывала в глаза. Было тяжело, но радостно. Малышка росла, начала ползать, затем ходить, говорить. И какая сейчас девушка! Жутко представить, если бы дочери не было.

– Умеее вы нарушать душевное спокойствие, – пробормотала Елена.

– Один ребенок хорошо, а два лучше, – продолжала искушать Астаховская. – Настя твоя уже выросла. Девочка половину времени проводит на соревнованиях, ведь так?

– Постоянно в разъездах, – сокрушенно призналась Петелина.

– Вот-вот, дочь отдаляется, ты скучаешь. А представь, был

бы у тебя малыш, сынишка-карапуз.

Астаховская согнула руки и приняла позу, словно нянчит младенца. Елена невольно улыбнулась, в голове застучало: а может, и правда?

Она не позволяла себе задумываться о втором ребенке. Для этого дела надо отключить голову и стать обычной женщиной, а она – цепкий следователь по прозвищу Петля с ненормированным рабочим днем. Развод, одиночество и служба не располагали к сентиментальным мечтам. Нет секса – ну и ладно, переживу. Вполне понятная защитная реакция. Сейчас у нее есть близкий друг, но он никогда не заводил разговор о браке и детях. В одном Астаховская права: если решаться, то сейчас, возраст поджигает.

– Я вижу, глазки твои заволокло, задумалась, мыслишь в правильном направлении.

Елена смутилась и перевела разговор на другую тему.

– Я вообще-то поблагодарить вас хотела, за йогу. Хороший клуб посоветовали, мне помогает.

Но настырную женщину было не столкнуть с намеченной колеи:

– А как йога помогает беременным, ты бы знала! Есть специальные упражнения, будешь заниматься, родишь легко. Хоп – и прижимаешь к груди малыша.

Легкомысленное «хоп» окончательно выбило привычную почву из-под ног. У Елены даже руки чуть согнулись и грудь потяжелела.

Петелина возвращалась в кабинет совершенно с другими мыслями, чем уходила полчаса назад. Она вспоминала многолетнее общение с Астаховской и приходила к выводу – практически все ее советы были в точку. А если и нынешний во благо?

– Елена Павловна, я вас четверть часа жду, не могу дозвониться.

Петелина вздрогнула от неожиданного обращения. У двери ее кабинета топтался эксперт-криминалист Миша Устинов по прозвищу Головастик. Она тронула место на бедре, где обычно висела сумочка. Нет сумочки – нет мобильного: она спустилась в архив без телефона.

– В чем дело? – спросила следователь, догадавшись, что ничего приятного Устинов ей не сообщит.

– Труп женщины. Актриса. Найдена в собственном автомобиле. Назначили нашу группу, надо выезжать, – коротко и по существу отрапортовал Устинов.

Петелина вздохнула. Вот так всегда, только задумаешься о радостях жизни и на тебе – очередной труп. Криминалист уже был одет в теплую куртку, за его спиной громоздился рюкзак со всем необходимым.

– Одеваюсь, и едем, – ответила следователь, мгновенно переключившись с неясных мечтаний на привычную работу.

Начало зимы выдалось слякотным, снег то выпадал, то таял, но сегодня крепко подморозило, и Елена впервые надела шубу, подаренную бывшим мужем. Подарок был столь неожиданным и красивым, что она не сообразила сразу отказаться. К тому же ей действительно требовалось что-то теплое на зиму, а в шоколадной стриженной норке с пушистым воротником было так уютно. И мама, Ольга Ивановна, тут же захлопотала в поисках подходящего платка на голову, подсовывая то один, то другой. Пока примеряла и думала, как повязать, Сергей ушел. Пришлось послать ему сообщение: «Спасибо. Деньги верну».

Вот только знала бы, что предстоит выезд на убийство, оделась бы попроще. Потерпевших настораживает шикарно упакованный следователь.

Петелина заставила Мишу сесть в свою машину, а не рисковать ездой на любимом мотоцикле. Они приехали в зону и остановились на нечищенной парковке, вытянувшейся вдоль бетонного забора, огораживающего безликое предприятие.

Оперативники Марат Валеев и Иван Майоров были уже на месте. Марат отдавал команды патрульным, оцепившим место преступления, и обращался к возможным свидетелям, представляясь майором. Чувствовалось, что новому званию он рад: наконец-то догнал по звездочкам свою гражданскую жену.

Петелина и Устинов прошли за ограждающую ленту к белому седану с открытыми дверцами. Следователь постоянно сталкивалась со смертью, но каждый раз при первом взгляде на погибшего у нее щемило сердце. Особенно когда убивали женщин.

Погибшая девушка сидела за рулем легкового автомобиля. Судя по первому впечатлению, она была задушена.

– Марат, введи в курс дела, – попросила Елена.

– Актриса Милена Рудакова. Задушена в своей машине. Убийца воспользовался черными колготками или чулками. Думаю, он сидел сзади и неожиданно набросился на нее. В общем, сама видишь.

Петелина просунула голову в салон автомобиля и осмотрелась. Лицо убитой ей ни о чем не говорило: возможно, актриса мелькала в сериалах, но Елене было некогда смотреть

телевизор. На вид жертве далеко за тридцать, хотя смерть, тем более от удушения, любого состарит. Хорошо одета, без головного убора, чтобы не мять уложенные волосы, руки в перчатках, ключ в замке зажигания, однако...

– Я не вижу ее сумочки. – Елена поняла, чего не хватает. – Ограбление?

– Ни сумочки, ни документов, ни телефона в машине не обнаружено...

– Как вы ее опознали?

– С этим проблем не было.

Марат указал на горстку настороженных наблюдателей за полицейской лентой. Это были в основном женщины, одетые не просто хорошо, а модно и броско. На их фоне шуба следователя выделялась разве что непритязательным фасоном.

– За забором находится киностудия, где снималась Рудкова. Коллеги ее и опознали.

– Киностудия? – она скептически оглядела бетонную коробку промышленного здания.

– Это бывший радиозавод. В старых цехах оборудованы съемочные павильоны.

Да, выходит, слетевшиеся на трагедию – не случайные ротозеи: рядом нет ни торговых центров, ни жилых домов. Каждый из присутствующих так или иначе имеет отношение к киностудии. А может, и к убийству.

– Кто обнаружил тело?

– Режиссер. Вот он.

Марат подозревал красивого мужчину с кавказскими чертами лица. Судя по одежде, причёске, стильной щетине и золотой цепочке на шее он создавал себе имидж успешного ловеласа. Наверняка посещает фитнес-клуб, однако и выпить не прочь.

– Я режиссер Георгий Чантурия, – взволнованно представился мужчина. – Милена должна была сниматься в моем новом фильме.

– Должна была или снималась? – уточнила следователь.

– Мы на днях приступаем к съемкам, сейчас идет подготовка.

– Когда вы обнаружили Рудакову?

– Сегодня у нас сбор к двенадцати. Я приехал раньше, припарковался, заметил Милену за рулем и подошел. Мне показалась, она спит.

– Вы открывали дверцу?

– Пришлось, она не отвечала.

Петелина взглянула на его руки без перчаток:

– Что вы еще трогали?

От этого вопроса Чантурия занервничал. Он показал дрогнувшей рукой на погибшую:

– Ее...

Под строгим взглядом следователя режиссер стал сбивчиво оправдываться:

– Я подумал, что Милена придуривается. Актеры, они же такие, могут разыграть, жуткий грим наложить. Я толкнул

ее, она стала заваливаться, я ухватил ее, коснулся щеки и не сразу понял, что она холодная.

– Значит, вы не только трогали, но и перемещали тело.

– Так получилось. Я не специально, – затряс головой испуганный режиссер.

– Вам придется сдать отпечатки пальцев и оформить показания под протокол, – предупредила Петелина.

Она заметила, что несколько женщин проникли за ограждение и подошли к машине. Некоторые прислушивались к разговору, кто-то ошеломленно таращился на убитую. Наверное, тетенька-следователь в породистой шубке выглядела слишком «пушистой». Пришлось представиться строгим тоном и показать удостоверение:

– Я старший следователь Елена Павловна Петелина. По делу об убийстве Милены Рудаковой вы все являетесь свидетелями. С каждым я побеседую индивидуально. – Она обратилась к режиссеру: – На студии это можно будет устроить?

– Разумеется.

– Тогда покиньте место преступления и ждите меня.

Когда все отошли, Елена направилась к Устинову. Эксперт успел сделать снимки, изучить тело, осмотреть автомобиль и собрать все, что было в авто. Сейчас он упорядочивал находки, укладывая их в свой рюкзак на капоте патрульной машины.

– Что скажешь?

– Судя по трупному окоченению, она задушена вчера ве-

чером.

– Лопахин потом определит точнее. – Петелина упомянула судмедэксперта, с которым постоянно работала.

– Орудие преступления – черный чулок. – Головастик продемонстрировал пакетик с уликой.

– Не из дешевых, – рассмотрела чулок Елена. – Есть следы, отпечатки?

– В салоне пальчики имеются, разные. Кроме того, нашел волосок, собрал грязь с ковриков. Имеет ли это отношение к убийству? – Головастик красноречиво пожал плечами. – А с явными следами тухло. На замерзшем грунте и льду искать их бессмысленно. Да и народу уже тут потопталось...

– Кстати о народе. Сейчас пойдем на студию. Снимешь пальчики у свидетелей, сверишь с отпечатками в машине.

– У женщин тоже? – уточнил эксперт.

Петелина посмотрела на орудие убийства и спросила:

– Ты когда-нибудь покупал чулки?

– Нет.

– Вот.

В этот момент за их спиной послышался окрик, толчок и топот. Петелина обернулась. Человек в темной куртке с капюшоном и с фотокамерой в руках быстро убегал вдоль забора. Валеев лежал около машины и кричал:

– За ним!

Двое патрульных бросились в погоню, опасаясь поскользнуться. Беглец свернул за угол и исчез.

На помощь Валееву поспешил Ваня Майоров:

– Ты упал?

– Нет, блин, внезапно лег на асфальт, – ругнулся Марат, поднимаясь на ноги.

– Что случилось? – спросила Елена.

– Этот козел снимал убитую. Я подошел, чтобы разобраться, кто такой, а он как пихнет... Тут скользко, – оправдывался оперативник.

– Как он здесь оказался? – обратилась Петелина к патрульным.

– Мы думали, он с вами, – ответил старший.

– Лицо видели?

Патрульные переглянулись и опустили глаза, а раздраженный Валеев рассказал:

– У него куртка странная, лицо полностью закрыто большими очками.

– Очки вшиты в капюшон, и он застегивается наглухо, – пояснил Головастик. – Такие куртки выпускают от мороза.

– От недомыслия, чтобы преступникам легче жилось, – продолжал злиться Марат.

Вернулись двое запыхавшихся сержантов.

– Что, упустили?

– Там лес и тропинка, короткий путь к автобусам. Мы выскочили на дорогу, а его уже нет. Или уехал, или через лес ломанулся.

Валеев хотел было рявкнуть, но Петелина первой отдала

распоряжение:

– Тело Рудаковой направить судмедэксперту, а наша группа идет на студию.

На проходной киностудии их встретил утонченный молодой человек в элегантном костюме.

– Ярослав Куркин, ассистент продюсера, – представился он.

Его глаза настороженно щурились на следователя, однако при виде рослого Майорова ласково распахнулись:

– Можно, Славик. Прошу за мной.

По запутанным коридорам и лестничным переходам Славик провел следственно-оперативную группу к солидной стальной двери. За ней располагался офис продюсера, состоявший из коридорчика с санузлом, приемной и собственно кабинета.

Славик помог Елене снять шубу, похвалив качество меха, и любезно распахнул дверь в кабинет. Из-за стола навстречу следователю шагнул лысый мужчина с круглым лицом и сантиметровой бородкой. Его ладонь оказалась потной, а глаза прятались под надбровными дугами в поисках трудного решения.

– Ужас, кошмар! – огорошил он, протягивая визитку. – Я примчался сразу, как мне позвонили.

«Филип Матвеевич Сонин, главный продюсер», – прочла Елена и представилась в ответ.

– Гошу вы уже знаете, – указал Сонин на режиссера Чан-

турия, затаившегося в кресле, и нервно дернул руками. – Госпожа следовательно, я, как деловой человек, сразу спрошу: что от нас требуется?

– Назвать убийцу, – спокойно парировала Елена.

Сонин дернулся, как от пощечины, посмотрел на застывших у входа оперативников и после паузы выдавил:

– На что вы намекаете? Это ваша работа. Мы все, Гоша подтвердит, в полном недоумении.

– Тогда начнем по порядку. Расскажите о Милене Рудаковой. – Петелина двигалась по кабинету, рассматривая обстановку. – Какие у нее были проблемы на студии, враги, завистники, не угрожал ли кто-нибудь ей?

– Да ничего особенного. – Филипп Сонин суетился, не находя себе места. – Конечно, у нас тут не монастырь, где все братья и сестры. Между актерами всегда есть терки, а когда имеешь дело с актрисами... – Продюсер спохватился, словно наговорил лишнего. – Но в сегодняшнем проекте РудакOVA утверждена на второстепенную роль – какая уж тут зависть? Хотя первоначально Гоша ее рассматривал на одну из главных ролей.

– Она сама настояла на пробах, у нее была успешная роль в прошлом году, – поспешил уточнить Чантурия.

– Милена хорошая актриса, но ее подвела мимика. Точнее, отсутствие мимики. Она сделала пластику: уменьшила нос, увеличила губы, и в результате ее улыбка потеряла обаяние. Если бы мы снимали современную жизнь, на роль глу-

пой жены олигарха или светской львицы она бы подошла. Но у нас историческая драма.

– Рудакова сделала пластическую операцию? – заинтересовалась Петелина, остановившись около большого сейфа, выделявшегося среди кабинетной мебели.

– Все актрисы на этом помешаны, но Милене не повезло. – Сонин выпятил губы и подергал себя за щеки. – Тут накачали, а тут перекосило.

– Давайте уточним. Вы пообещали Рудаковой главную роль, но не дали. – Петелина задержала взгляд на продюсере и затем внимательно посмотрела на режиссера.

Первым ответил Чантурия. Он встал из кресла, но продолжал смотреть на следователя снизу вверх.

– Кино – это крупный план, понимаете. Если в театре актриса может до пенсии играть Джульетту, от камеры ничего не скроешь.

В отличие от заискивающего режиссера, продюсер говорил резко, рубя воздух ладонью:

– В работе у меня друзей нет. Я должен не угодить актрисам, а отбить деньги. Кино – это бизнес.

К распалившемуся продюсеру подошел ассистент с мобильником в руке и шепнул что-то на ухо.

– Репортеры потом, – отмахнулся Сонин. – Лучше предложи гостям напитки.

– Чай, кофе, или что-то покрепче? – охотно откликнулся Славик, тронул рукой Майорова, ласково заглядывая ему в

глаза.

Все согласились на кофе, опешивший Иван промолчал. Когда ассистент вышел, Сонин с улыбкой пояснил удивленному оперативнику:

– Славик любит военных, красивых, здоровенных.

– Любит – это в каком смысле?

– У нас творческий коллектив, полная толерантность, – многозначительно изрек Сонин.

– А как насчет ревности? – вернула разговор в прежнее русло Петелина. – Что скажете о личной жизни Рудаковой?

– С кем она спала? Не со мной это точно. Мужа у нее нет. – Продюсер кивнул режиссеру: – Ты как?

– Нечего такого, – поспешно отгородился руками Чантурия.

– Мой Славик тоже отпадает. Об остальных поговорите с актерами.

– Когда вы видели Рудакову в последний раз?

Продюсер задумался, потеряв лоб.

– Вчера вечером, мельком. Она хотела со мной поговорить, ждала в приемной, но я спешил. Даже с Вадиком Сорокиным не перекинулся парой слов.

– Сорокин – это кто?

– Не знаете Вадима Сорокина? – удивился Сонин.

– Известный актер, он был со мной там, около машины, – напомнил Чантурия.

Елена вспомнила красивого молодого мужчину с пронзи-

тельными взглядом, бледным лицом и мужественным небритым подбородком. Ну конечно, его она точно видела в каком-то фильме.

– У Вадима Сорокина главная роль в нашем проекте. Вчера он был рядом с Миленой, когда я уходил, – объяснил продюсер.

– Как его найти?

– Для этого у меня есть помощник. – Сонин указал на ассистента, который предлагал Майорову особый кофе с корицей: – Слава, ты видел сегодня Вадика Сорокина?

– Он заходил, взял бутылку коньяка из наших запасов.

– Что поделать, ужасный день, – понимающе покачал головой Сонин. – Сейчас он поправляет нервы где-нибудь в примерках или в штаб-квартире. Славик покажет.

Петелина решила поговорить с актером, пока тот не напился.

– Сделаем паузу. Наш эксперт пока снимет ваши отпечатки пальцев.

– Это законно? – насторожился Сонин.

– Вы же хотите узнать, кто убийца?

В ответ на ее вопрос озадаченные киношники переглянулись. Следователь ответила сама:

– А я не только хочу, но обязана.

Она дала указания оперативникам опросить подсобных рабочих, а сама в сопровождении Славика направилась в загадочную штаб-квартиру.

Штаб-квартирой кинопроекта оказалась большая комната с длинным столом по центру, кофейным аппаратом и кулером с водой в углу. На столе помимо распечаток сценария, рисунков с костюмами, декорациями, фотографиями актерских проб возвышалась бутылка коньяка и несколько стаканов.

– Как я и думал. – Славик указал на одинокую фигуру за столом и пошел обратно.

Вадим Сорокин сидел, уткнув лицо в распахнутые ладони.

– В компанию примете? – начала разговор Петелина, присаживаясь напротив актера.

Захмелевший актер взглянул на гостью, узнал ее и не удивился:

– Следователь-женщина. Я думал, такое бывает только в кино.

– Я думала, актрис душат только в кино.

– Да, уж, влипли.

Интонация раскаяния не ускользнула от внимания следователя.

– Во что вы влипли?

– Не ту профессию выбрал. Вот вы, хотели быть актрисой? И правильно. Я больше чужими словами говорю, чем

своими, чужие жизни проживаю, а свою... – Он подхватил бутылку и продемонстрировал остатки на донышке. – Милену с девчонками помянули, но пара глотков осталась. Хотите выпить?

Сорокин плеснул остатки коньяка в стакан и предложил его следователю. Но та решительно сдвинула бутылку и стакан в сторону.

– Вадим, вчера вечером вы находились в приемной продюсера Сонины вместе с Миленой Рудаковой.

– Не вместе, а отдельно, – покачал пальчиком актер. – Я пришел, когда она уже там была.

– Допустим. Ассистент Куркин уверяет, что ушли вы вместе.

– А что, нельзя? – язвительно ответил Сорокин. – Я ее лет пять знаю. Знал.

Актер поморщился и опустошил свой стакан, в котором оставался коньяк. Петелина не стала ему препятствовать и задала следующий вопрос, когда он вновь взглянул на нее.

– Вы вышли с Рудаковой из офиса продюсера. Что делали потом?

– Поболтали какое-то время.

– Где?

– Я проводил Милену в гримерную.

– Зачем? Ведь съемок не было.

– Она шла за пальто.

– Тем самым, в котором оказалась в машине?

– Ну да.

– О чем вы говорили?

– О чем могут говорить актеры? – картинно закатил глаза Сорокин. – Либо хвастаются ролями, либо жалуются, что их нет. Милена жаловалась. У нее были проблемы после пластики, мимо роли пролетела. Ну, в общем, пришлось утешать.

– Как долго?

– Что долго?

– Вы ее утешали.

– Я не секундомер, – раздраженно ответил Сорокин. – Поболтали и разошлись.

– К машине вы ее тоже провожали?

– Нет, – мотнул головой актер. – У меня свой автомобиль.

– И все-таки. Вы вышли со студии вместе с Рудаковой?

– Меня что, подозревают в убийстве? – взвился Сорокин, заглянул в пустой стакан и раздраженно оттолкнул его.

Стакан проскользил по столу и ткнулся в стопку бумаг, едва не свалившись на пол.

Петелина продолжила беседу нарочито бесстрастно:

– На данном этапе, гражданин Сорокин, я выясняю, кто последним видел Милену Рудакову. Итак, когда вы расстались с ней?

– Как только вышли. Моя машина была рядом, а ее – в стороне.

– Вы видели кого-нибудь на парковке?

– Никого. Моя машина стояла на свету, а ее в темноте. Я вообще не смотрел в ту сторону. Сел и уехал.

– Как вы думаете, есть человек, который мог желать Рудаковой смерти?

Сорокин свел брови, а затем усмехнулся:

– Милена не ангел, как и все мы. Завидуем, интригуем, норовим спихнуть конкурента на обочину, чтобы расчистить себе путь, но после неудачной пластики Милена никому не мешала. Представьте бегуна со сломанной ногой. Вот вам и ответ.

– А ранее, значит, у нее могли быть конфликты с коллегами?

– На уровне возни в песочнице из-за игрушки, – скривился Сорокин. – Вы поймите, Рудакова не звезда. Полине Черной она не конкурент, мне тем более.

– Кто такая Черная?

Сорокин округлил глаза:

– А вам еще не рассказали? Полина Черная будет играть главную роль в фильме. И ей никто не перейдет дорогу, она любовница Сонины.

Елена задумалась не столько над полученной информацией, сколько над эмоциональной реакцией Сорокина. Первое имя актрисы, всплывшее в связи с убийством, – Полина Черная. Первая реакция у выпившего человека часто бывает точнее формальной логики. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

– Почему вы упомянули именно Черную?

Сорокин нахмурился и почесал щетину, вблизи выглядевшую неопрятно.

– Отращиваю бороду для роли, – пояснил он, перехватив взгляд следователя.

– Я спрашивала про Черную.

– Вспомнил. Машина Полины стояла рядом с моей, когда я уезжал. Значит, она еще была на студии.

– Вы ее видели?

– Нет. И хватит вопросов! Милену сейчас потрошат, а вы лезете...

Сорокин схватил стакан с коньяком, который предлагал Петелиной, опустошил его и вышел из комнаты.

«Играет или действительно переживает?» – следователь не нашла ответа. Перед выходом она упаковала стакан, из которого пил Сорокин, чтобы передать криминалисту.

Возвращаться из штаб-квартиры Петелиной пришлось самостоятельно. Это оказалось не простой задачей. Запутанные, плохо освещенные коридоры киностудии приводили ее то к лестничным пролетам, то упирались в запертые на кодовые замки двери. Здесь даже бывшие огромные цеха потеряли былое пространство. Интерьерные выгородки, реквизит, бутафорские конструкции, софиты с проводами и декорации превратили их в опасные лабиринты.

– Осторожнее!

Петелина застыла от неожиданности и повернулась в сторону голоса. Из-за ящиков появилась женщина с повадками учительницы и указала под ноги. Елена поняла, что чуть не споткнулась о связку кабелей, пересекавших проход словно притаившийся удав.

– Новому человеку у нас легко шею свернуть, – мрачно пошутила женщина и тут же спохватилась. – Ой, извините. Для вас трупы привычны, а мы... – Она приложила руку к сердцу и сокрушенно покачала головой.

– Вы тоже актриса?

– Я художник по гриму. Ирина Юшкевич.

Петелина узнала женщину, которая проявила нездоровое любопытство на месте преступления: близко подошла к открытой машине и рассматривала покойную без страха и нер-

возности. Смотрела так, словно проверяла, не допустила ли ранее ошибку в темноте.

– Что вы делали около автомобиля убитой? – с ходу спросила Петелина.

Юшкевич смутилась под пристальным взглядом и сбивчиво объяснила:

– Профессиональный интерес. Я хотела запомнить ее лицо. Я же делаю грим, разный, когда играют мертвых тоже. Одно дело фотографии, другое – реальность.

Сколько же в мире профессий, которым интересны трупы, подумалось следователю.

– И как? Почерпнули что-то новое для себя?

– Даже не знаю. Мы в кино обычно имитируем кровь, раны – чем больше, тем страшнее, а тут ни капельки, а веет ужасом. Не думаю, что буду пугать зрителей таким образом.

Петелина решила, что перед ней хороший источник информации, и уточнила:

– Ирина, вы гримируете всех актрис?

– Ведущих обязательно. Наш фильм исторический, раньше у дам были сплошь длинные волосы со сложными прическами, а сейчас будто все в монахини постриглись. – Юшкевич, не скрывая иронии, тронула пальцами свои короткие светлые волосы, – Приходится использовать парики и много чего еще. Долгая работа.

– Значит, общаетесь с актрисами?

– Не без этого. Женщины любят поболтать.

– Давайте и мы поболтаем, как женщины...

– Тогда пойдёте в гримерную, – улыбнулась в ответ Юшкевич, указывая направление. – Заодно укладку вам сделаю.

– Платок, – оправдалась Петелина. Не могла же она причёсываться в кабинете продюсера.

– О, простите, профессиональное. Прическа – первое, что бросается в глаза.

– Что скажете о Полине Черной?

– У нее чудесные волосы, лучше любого парика, и взгляд всегда сверху вниз. Ее легко гримировать для нашего проекта.

– Я не о внешности, а о характере.

– За глаза ее называют – холёная сучка, – не сразу призналась Юшкевич и искоса посмотрела на следователя, ожидая реакции.

– Не слишком любезно, – хмыкнула Петелина.

– Зато точно. Громкие фильмы, слава, бурные романы, скандалы – это все про нее. Правда, в прошлом. Два года назад Полина родила дочь от бизнесмена в расчете на роскошную жизнь, но тот ее быстро бросил. Полина долго не снималась и сейчас ей нужна новая яркая роль, чтобы напомнить о себе. Вот она и вцепилась в Сониного.

– В каком смысле?

– В том самом, – усмехнулась Юшкевич. – Управляет мужиком через постель.

– У меня не сложилось впечатление, что Филипп Сонин

простак.

– Конечно, нет. Он деляга и прекрасно понимает, что Черная способна привлечь зрителя. Да и играть ей придется расчетливую ласковую стерву – она как раз такая по жизни. Пара скандальных телешоу перед премьерой – и успех проекту обеспечен. В общем, у них симбиоз. Полина обхаживает продюсера, чтобы другие не заняли теплое место.

Петелина покачала головой, ничего не сказав.

– Вас удивляют наши нравы? В полиции, видимо, не так? Наверное, у вас баб мало.

Они подошли к гримерной, дверь в которую была приоткрыта. Юшкевич заметила внутри женщину и ехидно прошептала, указывая глазами:

– Легка на помине.

Распахнув дверь, она превратилась в услужливую хозяйку:

– Привет, Полина. Давно меня ждешь?

– Сделай мне лицо, – не оборачиваясь ответила актриса.

– Тут к тебе следователь.

Красивая женщина с длинными черными волосами сидела за столиком, утыканным косметическими средствами, перед трехстворчатым зеркалом. Она не обернулась и на этот раз, сохранив спокойную уверенную осанку. Зеркальное отражение актрисы в повернутой створке изучило вошедшую, опустив взгляд в том числе и на пальцы.

– Ах, это вы. Хорошо пристроились.

– В каком смысле?

– Мужа нет, зарплата так себе, а дизайнерскую шубу кто-то подарил. Стриженная норка с роскошным собольим воротником явно не с барахолки.

«Наблюдательная и наглая, – отметила Елена и мысленно приободрила себя: – Встречают по одежке...».

– Полина, мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы хорошо знали Рудакову? – деловым тоном спросила она.

– Это она меня знала, а я так, почти не замечала. Есть она или нет, какая мне разница?

– У Рудаковой была заметная роль недавно, а вы долго не снимались. Она могла составить вам конкуренцию.

– Кто вам сказал эту чушь? – Актриса обернулась, метнув молнию из темных глаз на гримершу. – Она?

– Полина, – осадила ее Юшкевич. – Милены больше нет.

– Я знаю, о покойниках либо хорошо, либо... – Черная закурила тонкую сигарету и после нескольких затяжек продолжила: – Мне все завидовали. Милена больше других. Рассчитывала занять мое место, пока я была с пузом. Не получилось! Зато умерла она, как назло, не вовремя.

– Вас расстроила ее смерть?

– Меня расстроил ее вид. – Дама с силой раздавила сигарету в плоской баночке. – Зря рано сюда приехала, теперь не смогу работать.

– Не беспокойтесь, сегодня съемок не будет.

– Съемки дело решенное, вопрос не в них. Вечером у меня

спектакль. Будет английский режиссер, хочет меня посмотреть. Я должна отвлечься, забыть о неприятностях и сыграть. Сыграть! На сцене нет дублей. Вы понимаете это?

«В каждой профессии свои трудности», – подумала Петелина, а вслух спросила:

– Когда вы в последний раз видели Рудакову?

– Вчера, как и все. Милена отсвечивала здесь своим пластиковым лицом. Я с ней и словом не перекинулась.

– А вечером на парковке вы ее видели? Ваша машина была там, когда Рудакова направилась к своей.

– Моя машина всю ночь простояла около студии, потому что я уехала с Сониным. Вам уже растрепали про наши отношения?

«Да, определение «холеная сучка» достаточно точное», – мысленно согласилась Петелина.

– Значит, в момент убийства вас на студии не было?

Черная презрительно хмыкнула и промолчала. Елена сменила тему:

– Какая сумочка была у Рудаковой?

– Сумочка?

– Вы же чертовски наблюдательны, – поддела ее следователь.

Черная задумалась:

– Дайте вспомнить... Сумочка в цвет обуви и перчаток теперь моветон. Сумочка должна выделяться. Точно! Бежевая с крупной золотой застёжкой. Ира, ведь так? – обратилась

она к Юшкевич, словно к арбитру.

Та, подумав, кивнула, и Черная победно подняла взгляд.

– Бежевая среднего размера с золотой застежкой.

– Вы не разговаривали с Рудаковой, но возможно слышали, как она кому-нибудь звонила, договаривалась о встрече?

– Я не ищейка, и больше ничем не могу вам помочь. А вы мне – можете, если позволите забыть о неприятностях и подготовиться к важному спектаклю. – Черная выдала гневный взгляд, выдержала паузу и обратилась к гримеру: – Ира, давай начнем.

Петелина решила попроситься:

– Если что-то вспомните про Рудакову, позвоните мне. Я оставлю визитку.

– Вспомнила. У вас дурацкий платок, он не подходит к шубе. Обратитесь к Марианне, она поможет.

Юшкевич приняла визитку вместо отвернувшейся актрисы и смущенно извинилась:

– Актеры такие ранимые. – Видя вопрос в глазах следователя, она тихо продолжила: – Марианна Фролова – художник по костюмам. Если надо, я сведу с ней.

Черная услышала и громко пожурела:

– Сводница! Смотри, как бы Марианна на следователя не запала.

Озадаченная Петелина покинула тесную комнату. Судя по табличкам на дверях, рядом располагались несколько других гримерных. Одна из дверей была распахнута, оттуда слыша-

лись женские голоса:

– Леся, ты такая спокойная, а я в шоке. Это ужас, ты видела ее?

– Зачем? Я не собираюсь смотреть на трупы. Не хочу волноваться.

– Мне бы твои нервы.

– Девочки, успокойтесь, ничего страшного не произошло.

На этот раз говорил мужчина. Его голос Петелина узнала и, воспользовавшись случаем, толкнула дверь:

– Вы действительно так думаете, Георгий? Убийство – это не страшно?

Возникла напряженная пауза. Помимо Чантурия в гри머ной находились две девушки. Все были ошеломлены появлением следователя, но скрывали недовольство.

Режиссер нехотя выдавил:

– Даже в очень плохом надо искать хорошее – так сказал Сонин.

– Для начала давайте найдем самое плохое – убийцу, – парировала Петелина. – Познакомьте меня с девушками.

– Наши актрисы, Алена Ланская и Леся Нестеренко.

Ланская полыхнула сердитым взглядом, Нестеренко сдержано кивнула.

– Следователь Петелина. Меня интересует, что каждый из вас делал вчера после девяти вечера? И подробно, пожалуйста.

Ланская вопросительно переглянулась с Чантурия. Несте-

ренко потупила взор.

В этот день опросы коллег и соседей убитой мало что дали для расследования. Актриса проживала одна, явных конфликтов у нее не было, особых украшений и ценностей она не имела. Около девяти вечера Рудакова покинула студию, чтобы ехать домой. С тех пор живой ее не видели.

Домой Елена и Марат вернулись поздно.

На кухне их встретила Ольга Ивановна, как обычно ворчливая и недовольная:

– Явились, на ночь глядя. Кто, кроме меня, Насте ужин приготовит?

– Спасибо, мам, – устало поблагодарила Елена.

– Мойте руки, вам тоже кое-что осталось.

Елене есть не хотелось, зато Марат жадно приняхивался и стрелял глазами. Он с аппетитом накинудся на паровые котлетки с пюре. Елена решила ограничиться салатом.

– Ну скажи, зятек, зачем тебе женщина, которой никогда нет дома? Какая из нее хозяйка?

– Лена хорошая, – промычал Марат, не отрываясь от тарелки, – а вы еще лучше.

– Вот и найди такую, как я. Хочешь, с подругой познакомлю?

– А добавка есть? – Марат указал на опустевшую тарелку.

– Вот троглодит. – Ольга Ивановна выскребла из кастрюли

остатки пюре и поставила ее в мойку под струю воды.

По телевизору показывали рекламу детского питания. Заботливый папа кормил очаровательного малыша с ложки. Елена улыбнулась, вспомнив наставления Астаховской о необходимости второго ребенка.

– Боюсь представить тебя в такой роли, – кивнула она на экран.

Валеев покосился на телевизор, выпрямился:

– А что, думаешь не справлюсь?

– Думаю, пришлось бы отмывать не только малыша, но и его папу.

– Папу, – осмысленно повторил Марат и с интересом посмотрел на Елену. – Справлюсь, не сомневайся. Да я бы ради нашего...

Он осекся, увидев, как Елена вздрогнула и опустила взгляд. Доели молча. Когда стали пить чай, Марат подмигнул Ольге Ивановне:

– Хорошую внучку вырастили: умную, красивую, спортивную. А о внуке никогда не думали?

Ольга Ивановна с подозрением посмотрела на Марата, перевела придирчивый взгляд на дочь:

– А что, пора думать? Может, я чего-то не знаю?

– Мама, он шутит, – смутилась Елена. – Это теоретический вопрос.

– Теоретический, значит, – угрюмо покивала Ольга Ивановна. – Пойду-ка я домой. Посуду сами мойте, теоретики.

Женщина заторопилась, быстро оделась и как только вышла на лестничную площадку, набрала номер бывшего зятя, Сергея Петелина.

– Приезжай ко мне срочно.

– Что-то случилось?

– Пока нет, но ты можешь опоздать.

Семь лет назад Елена, не желая мириться с изменами мужа, выставила его за порог. Они развелись. Сергей воспринял свободу с радостью, менял молоденьких подружек одну за другой, как бы доказывая Елене: я нарасхват, у меня деньги, успешный бизнес, а ты кому-нибудь нужна? Елена жила тихо, а спустя пять лет неожиданно сошлась с Маратом Валеевым. Это задело Сергея, возродило былую ревность, ведь все трое были одноклассниками, и в школе Елена отдавала предпочтение именно Марату.

К тому времени Сергей уже пресытился расчетливыми красотками, готовыми на все ради дорогих подарков. Да и не котировались уже юные модели среди бизнесменов: вышли из моды, как швейцарские часы. Петелин находился в том возрасте и положении, когда ему требовалась умная подруга, с которой можно не только выйти в свет, но и упомянуть в деловом разговоре в качестве дополнительного аргумента. Елена, авторитетный профессионал, как нельзя лучше подходила на эту роль, и в вечернем платье она смотрелась бы сногсшибательно. Верно говорят: что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Отчасти из ревности, отчасти из-за уверений Ольги Ивановны, что семью можно заново склеить, он задумался о возвращении. Ведь у них с Леной дочь Настя, она ранимый подросток, ей станет комфортнее, если родители будут вместе. Об этом он прямо сказал бывшей жене. Та промолчала, не возразила. Воодушевленный Сергей тут же заверил, что после разлуки они будут больше ценить друг друга, а уж обеспечит семью он несравнимо лучше майора полиции, выплачивающего алименты.

Упоминание Валеева оказалось лишним: Елена обиделась. Но это же правда, у него куча преимуществ по сравнению с Маратом, не говоря уже о поддержке бывшей тещи, по зову которой он сейчас примчался.

Ольгу Ивановну Сергей застал в плохом настроении. Она сразу перешла в атаку:

– Пока ты тормозишь, как подросток, они, знаешь, что удумали?

Речь несомненно шла о Лене и Марате, и Сергей предположил худшее:

– Свадьбу?

– Если бы. О малыше сегодня говорили.

– Малыше? – К Сергею постепенно приходило понимание, что бывают препятствия похуже свадьбы.

– Вроде как шутят, но я по глазам вижу, что Лена не против.

– Не против ребенка от Марата?

– Вот именно, черт бы его побрал.

– И что мне делать? – растерялся Сергей.

– Увлечь, завоевать, опередить! Мужик ты или нет!

– Как ее увлечь? Шубу я подарил по вашему совету, а Лена деньги стала возвращать.

– С шубой мы не ошиблись, она ей понравилась, – заверила Ольга Ивановна. – И деньги Лена тебе не все же вернула?

– Половину. По окончании года она рассчитывает получить премию и тогда...

– А ты подари то, на что ей не хватит никакой премии, – отрезала бывшая теща.

– Машину?

Женщина покачала головой:

– Что такое автомобиль? Железо, которое портится с годами, как и шуба.

– Что тогда?

– Лучшие друзья девушек это... Ну, допер? А зрелая женщина тем более оценит такой подарок.

– Бриллианты? Вы уверены? – задумался Сергей.

– Ни в чем я не уверена, но надо же что-то делать, – сокрушенно призналась Ольга Ивановна. – Я не хочу внука Маратовича, я хочу внука Сергеевича. Подари ей такое украшение, чтобы она ахнула. И не тяни с этим. Пока мы рассуждаем, они там может быть уже в постели.

Пожилая женщина с досадой махнула рукой. Сергей стиснул челюсти.

Ольга Ивановна не ошиблась в своих предположениях. Марат с Еленой действительно были в постели. Марат испытывал необычайный прилив нежности к любимой женщине. Он тронул ее за плечо, прильнул грудью и прошептал:

– Ты серьезно насчет малыша?

Лена даже не шелохнулась. Ответила коротко, думая о чем-то своем:

– Не сегодня.

Марат проявлял настойчивость. Крепче обнял женщину и постепенно продвигал руку вниз по ее телу.

– Опять голова забита работой. Забудь до утра, милая.

– Помнишь фотографа, что убежал? – не обращая внимания на ласки, спросила Елена.

Марат промолчал. Его рука уже была на ее талии.

– Неспроста он лицо закрыл. Может, просто идиот-журналист – за жареными снимками. Но и убийцу иногда тянет на место преступления, это не выдумка, сам знаешь. А если он хотел удостовериться, что не оставил зацепок? Поэтому и снимал, чтобы дома рассмотреть.

– А я хочу рассмотреть тебя. – Марат возбужденно засопел, его рука пролезла под сорочку.

– И многие киношники во все глаза разглядывали сцену убийства. Кто-то из них мог задушить. Почему?

– Потому что я люблю тебя, – прошептал Марат, приступая к более активным действиям.

Елена отодвинула его и одернула сорочку:

– Перестань! Ты меня совсем не слушаешь.

Марат вздохнул, откинулся на спину и закинул руку за голову: сегодня точно облом.

Наконец все стихло. Он выждал полчаса и выбрался из своего укрытия. Спрятаться на большом заводе, хаотично переделанном в киностудию, было несложно. Тем более ему, когда-то работавшему здесь. У него даже сохранился пропуск – махнул пластиком перед охранником, делая вид, что болтаешь по телефону, и проскочил, как раньше.

А еще он любил необычную куртку с очками, вшитыми в капюшон. Застегнул ее от шеи до макушки – и ты с головой под одеждой, смотришь на мир сквозь большие затемненные очки. Сейчас зима, куртка защищает от холодного ветра и смотрится естественно. Возле рта имеется сетка, позволяющая свободно дышать даже во время бега. Это помогло ему скрыться от полиции, после того как он внаглую фотографировал задушенную актрису. Риск оправдался. Кадры получились обалденные!

Киностудия еще поплатится за то, что его уволили. Некоторые конкретно раскошелятся! Он понял главное: здесь друзей нет, все временные попутчики на очередном проекте. Выкинули его на улицу – и тут же забыли. Каждый сам за себя. А раз так, он будет играть по своим правилам, жестоким, но справедливым. Для этого он стал фотографом и придумал себе псевдоним Memento Mori. Знающие люди поймут. Здесь фотоаппарат ему не нужен. Всю работу за него сде-

лали скрытые камеры, установленные в гримерных, душевых и даже в туалетах. Он пришел за очередным уловом бессознательных электронных зрачков.

Проникнуть в помещения студии было несложно. На большинстве дверей установлены кодовые замки, шифры которых не меняются годами. Лишь офис главного продюсера Сонины оснащен железной дверью и сигнализацией, выведенной на пост охраны. Богатые люди пекутся о своих тайнах, но ему пока достаточно глупых актеров.

Memento Mori начал обход с гримерных. Обустроив студию, высокие потолки заводских цехов снизили с помощью гипсокартонных перекрытий. Между новым и старым потолком вполне можно было спрятаться, не говоря уже о том, чтобы закрепить микрокамеру. Ячейки гипсокартона частично были сломаны или вообще отсутствовали, в дырах виднелись перекрестья балок и жгуты проводов, маленькую камеру там никто не заметит.

Этим он и воспользовался. Камеры работали автономно, включались от малейшего звука и служили долго. Периодически приходилось менять в них карты памяти и аккумуляторные батарейки.

Собрав улов из карт памяти, Memento покинул заводской корпус, прокрался к забору и перелез его в облюбованном удобном месте. Через час он был дома. Остаток ночи посвятил самому волнующему – просмотру видеозаписей. В такие минуты он уподоблялся старателю – когда мелькнут в гряз-

ном песке крупницы золота...

Записи были без звука. Он плавно двигал курсор, над которым мелькали отдельные кадры. Если замечал что-то любопытное, поднимал палец, и включалось воспроизведение.

Так, тут пьют спиртное – неинтересно. Здесь актрисы примеряют платья, таких записей у него полно – не то, не то. А вот Милена Рудакова, снимает грим после кинопробы, переодевается. Прикольно смотреть на человека, которого через несколько часов убьют.

Милена вышла, запись остановилась. Вернулась расстроенной и не одна. Кто тут с ней?

О чем-то говорят, на ее лице появляется подобие улыбки. А вот и он попадает в кадр – известная личность. Притягивает ее к себе, лапает. Ага, будет секс. Хорошо. Раздень же ее, мне нужна обнаженка. Уже видна грудь, отлично! Она о чем-то его просит, он обещает. И лезет руками ниже. Давай, самец, действуй! Ах ты ленивый-нетерпеливый. Это в кино герой-любовник соблазняет женщин ласково и красиво, а тут не парится, завалил на стол телку и наяривает. Ну, хоть так. Быстро же ты управился, секс-символ.

Потом они уходят. Вместе. Он посмотрел на время съемок и ощутил волнующее покалывание в пальцах. Есть золотой самородок!

Тут и переделывать ничего не надо. Сначала распутное видео в гримерной, затем кадры ее трупa в машине и подпись на латыни – Memento Mori. Изящно и с намеком. Для

убедительности стоит добавить в интерьер важную деталь – и удавка для кинозвезды готова.

Что скажет нетерпеливый самец?

Алена посмотрелась в зеркало и осталась довольна: дерзкое декольте в сочетании с лифчиком «пуш ап» и гордый холодный макияж – то, что надо для особого случая. Длинные русые волосы она завila и уложила на левую сторону. Серьги выбрала в виде цепочек с алмазной гранью, они будут играть при каждом движении головы.

На киностудию Алена приехала пораньше. Сегодня объявят распределение ролей. Внешне девушка сохраняла спокойствие, но в душе сгорала от нетерпения – какая роль достанется ей? К этому проекту она подошла не наивной дурехой, как прежде, а предприимчивой хищницей, взявшей судьбу в свои руки. Да что там в руки, видит бог, она отрабатывала будущую удачу всеми частями молодого гибкого тела, и Гоша клялся, что она получит одну из главных ролей.

Общаться с соперницами не хотелось. Вежливые разговоры на фоне мыслей: кто кого обставит – невыносимы. Рудакowej уже нет, одной конкуренткой меньше, но проницательных актрис на каждых пробах в десять раз больше, чем претендентов на мужские роли. Вечная несправедливость – мужчинам везде легче пробиться.

Не находя себе места, Алена сунулась в офис продюсера. Сонин еще не приехал, зато в приемной дежурил вежливый Куркин. Может, через него удастся что-нибудь узнать.

Славик заворуженно уставился в телевизор. Алена попыталась задать вопрос, но он отмахнулся: не мешай. Показывали награждение «Золотым мячом». Рональдо выглядел, как топ-модель – залюбуешься. Идеальный костюм, белоснежная рубашка с черными пуговицами, галстук-бабочка, в ушах крупные бриллианты, на мизинце кольцо.

Алена заметила, с каким обожанием Славик смотрит на кумира, и поняла, на кого он хочет быть похож. Ее осенило:

– Он тоже из ваших? – она указала пальчиком на экран.

– Где искусство, там мы, – не без гордости ответил Славик.

– Это же спорт.

– В его исполнении даже футбол искусство.

Наконец, церемония награждения закончилась, пошла реклама, Славик приглушил звук.

Алена заикнулась, как бы невзначай:

– Девочки интересуются ролями. Сегодня обещали.

– Кому надо, те знают.

Ответ ее задел. Конечно, Полина Черная и Вадим Сорокин за себя спокойны, но есть и другие актеры, еще не раскрученные, в том числе и она.

– Славик, ну не всем же повезло спать с продюсером.

– Размечталась.

– У тебя прическа, как у Рональдо, загар такой же, и вообще вы так похожи, – зашла с другой стороны Алена.

Славик посмотрелся в зеркальце, прилепленное к углу мо-

нитора, и смилостивился:

– Сейчас проверю почту от Филипа.

Он потыкал по клавиатуре, из принтера выползли два листка. Ланская хотела подхватить распечатки, но Славик ее опередил:

– Мне здесь соплей не надо. Вывешу на стенде, там и читай.

Он вышел в коридор, припилил списки к информационному стенду и захлопнул за собой железную дверь.

Алена пробежала глазами первый листок в поисках своей фамилии. Не нашла. Вернулась к началу, прочитала медленнее. Главная роль, как ожидалось, досталась Черной. Вторая главная – Лесе Нестеренко – как ей удалось, сучке? Далее шли полноценные роли второго плана – и снова ее нет! Только на втором листе в списке эпизодников она увидела себя.

Шагнула назад, наткнулась на кого-то, пихнула локтем и ушла, едва сдерживая бешенство. Где этот лживый кобель Чантурия-младший? Она же старалась, а он обещал, что ради нее готов на все! И что в итоге? Она снова десятая спица в колеснице.

Режиссера Алена нашла в центре огромной выгородки, имитирующей бальный зал княжеского дворца. Чантурия обсуждал декорации с художником. С первого взгляда стало ясно, что трусливый Гоша еще вчера знал о ее участии, поэтому и отменил встречу.

– Ты врал мне, врал! Почему? За что? – накинулась она

на любовника, отбросив приличия.

– Да погоди ты. Это решение продюсера, – оправдывался Гоша, увлекая Алену в сторону. – Я тоже, как и ты, нанятый сотрудник.

– Не тронь меня! Убери свои лапы.

– Ты пойми: деньги у Сонины, он и диктует, что да как.

– Ты мог бы отстоять меня, убедить его.

– Я пробовал, хвалил тебя.

– Врешь!

– Еще не все потеряно. – Гоша перешел на шепот. – Вместо Рудаковой пока никого не утвердили из этических соображений. У нее большая роль, я буду рекомендовать тебя.

– Ты обещал одну из главных.

– Киса, не обижайся. Я делаю все, что смогу.

– Ну, смотри, если опять соврешь...

Алена развернулась и, потрянув роскошной гривой, направилась к выходу, не забывая о том, как она выглядит сзади. Около проема, где монтировались парадные двери, она натолкнулась на снисходительный взгляд Полины Черной.

– Не с тем спала, глупышка, – процедила звезда.

– А ты с кем только не перетрахалась!

Грубый выпад Черную не обидел:

– Я ценный приз, и сама выбираю, кого собой наградить.

А ты переходящий вымпел.

Алена чуть не накинулась на лощенную сучку, но ее вовремя перехватила Ирина Юшкевич и утащила в гримерную.

– Успокойся, Алэн. Гоша прав, от него мало что зависит, – уверяла художник-гример.

– Я, как дура, стелилась перед ним, а он только пользовался мной.

– Такова судьба начинающих актрис, хвататься за любую возможность.

– Я закончила театральный вместе с Нестеренко. Леська на главных, а я...

Вместо ответа Юшкевич взяла гребень и принялась расчесывать Алэне волосы, зная, что это успокаивает лучше любых слов.

– Со мной нельзя так. Я отомщу ему! – яростно хлопала ресницами Ланская.

– Мир не такой, как тебе хочется – это больно, по себе знаю.

– Он заплатит за мои страдания!

– Ты ничего не сможешь.

Алена запальчиво дернулась, на минуту нахмурилась и расплылась в мстительной улыбке:

– Есть те, кто смогут.

– Кто же? – Юшкевич перехватила ее взгляд через зеркало.

– Друзья детства.

– И что они могут?

Глядя на себя в зеркало, Алена раздвинула платье в области декольте, томно колыхнула ресницами и прошептала

своему отражению:

– То, что захочу я.

Жить с женщиной, заикленной на работе, – особое испытание для мужчины. А если ее работа – раскрытие убийств, приготовить психику к падению без парашюта. К примеру, проснешься утром, почувствуешь нарастающее желание, захочешь приласкать любимую, как на тебе:

– Тот странный фотограф, зачем бы ему прятать лицо, если он обычный газетчик? – задала вопрос Елена, игнорируя шаловливый настрой Марата, и сама ответила: – Значит, он может иметь отношение к убийству. Или сам задушил, или кто-то послал его заснять детали.

– Лена, – простонал Марат все еще пытаясь привлечь ее к себе.

Но где там! Она уже села в кровати, прикрывшись одеялом, и давала указания:

– Надо расспросить местных о нем. Куртка приметная. Может, кто-то видел его раньше или знаком с ним. Езжай туда вместе с Майоровым.

– Вот так сразу?

– Ну ладно, позавтракай, – смиростивилась полуобнаженная начальница.

Марат поплелся в ванную.

Повторный осмотр места убийства принес неожиданный результат. Интуиция Петелину не подвела. Самого фотогра-

фа, правда, не нашли, но охранники киностудии признались, что замечали подозрительного типа. При вопросе: мог ли он проникнуть на территорию, клялись, что у них все строго. И все-таки в Следственный комитет оперативники вернулись не с пустыми руками.

– Мы двинулись по следам фотографа, на этот раз спокойно, без суеты, – начал рассказывать Валеев.

– Прочесали всю местность, – подхватил Майоров.

– И в сугробе около дороги нашли женскую сумочку. – Марат продемонстрировал пакет с находкой.

– Бежевая с золотой пряжкой. – Елена вспомнила показания Полины Черной. – Сумочка Рудаковой.

– Да. Там банковские карты на ее имя.

– Убийца выкинул сумочку, когда уходил через перелесок, – поспешил высказать очевидную догадку Ваня.

Петелина надела латексные перчатки и стала перебирать содержимое сумки.

– Странно, кредитки не тронуты, хотя ими легко расплатиться в интернете. Ключи от квартиры тоже на месте, а ведь могли бы обчистить, вся ночь была в запасе.

– Не знали адрес, – предположил Майоров.

– Вряд ли убийство было спонтанным. Она сама впустила в машину убийцу. Если это ее знакомый, он должен знать, где она жила.

– Получается, украли только наличные деньги и телефон, – констатировал Валеев.

– Или что-то еще, о чем мы пока не знаем.

Сумочку передали в экспертную лабораторию. Ею занялась Светлана Маслова – она увлекалась сериалами, помнила Рудакову по фильмам и ее смерть приняла близко к сердцу.

Прошло около часа, и она принесла в кабинет Елены экспертное заключение. Света немного прихрамывала после покушения на нее в лифте одного мстительного подследственного. С тех пор на место происшествий она не выезжала, предпочитая работать в лаборатории, однако при любой возможности ходила по зданию, упорно разрабатывая поврежденную ногу.

– Так, снаружи на сумочке отпечатков нет, – вслух читала экспертизу Петелина.

– Или воздействие снега, или убийца стер отпечатки. А скорее, и то, и другое, – пояснила Маслова и продолжила: – На помаде, расческе, карточках и упаковке салфеток я нашла пальчики только Рудаковой.

– Еще бы.

– Устинов проверил волос, найденный в машине. Тоже ее.

– Тупик, – прокомментировала следователь.

– Пока автомобиль на нашей стоянке, Миша еще раз его осмотрит.

– Как же мы упустили этого типа, – с досадой вспомнила Петелина. Она надеялась, что отпечатки на сумочке выведут следствие на подозреваемого с фотоаппаратом.

– Вы про фотографа? Думаете, это не просто какой-то

журналист из желтой газетки, а убийца, вернувшийся на место преступления?

– Так бывает, если действовал убийца-новичок, не уверенный в себе. Пришел, чтобы насладиться победой или забрать улику.

– Там были и другие люди со студии: актеры, режиссер.

– Их я тоже не сбрасываю со счетов. На роль новичка каждый из них подходит, а новичкам, как известно, везет.

– До поры до времени, – приободрила следователя эксперт.

По служебному телефону позвонил полковник Харченко. Он говорил быстро, не скрывая недовольства:

– Полюбуйся: убийство актрисы уже мусолят по телевизору, – начальник назвал канал. – Теперь на нас будет давить руководство и пресса.

«Обычное дело», – хотелось сказать Петелиной. Наверняка Юрий Григорьевич, как громоотвод, примет большую часть ударов на себя, чтобы не дергали группу. Если только внешнее напряжение не спалит защиту его нервной системы. Тогда держись.

Петелина включила телевизор, увидела эмоциональное лицо вчерашнего собеседника и задумчиво произнесла:

– А вот его на месте убийства не было.

Филип Сонин, одетый в черный свитер, давал интервью по поводу убийства Рудаковой.

– Милена Рудакова была замечательной актрисой. Это

большая потеря для всех любителей кино и особенно для нашей студии.

– Повлияет ли смерть актрисы на график ваших съемок?

– Ради памяти Милены, ради миллионов зрителей, которые ждут обещанный фильм, мы приложим все силы, чтобы он вышел вовремя. Более того, я хочу объявить, что помимо полнометражного фильма будет снят сериал. Мы покажем борьбу за власть, оружием в которой является любовь, ревность и страсть. – Лицо Сонины приобрело оттенок вдохновения: – Это новый подход к освещению истории. Телезрители увидят продолжение событий, которые будут в главном фильме.

– Значит, в фильме нас ждет открытый финал?

– Это тайна. Как остается тайной и то, кто убил нашу коллегу. Мы будем информировать зрителей о ходе расследования.

На экране под аккомпанемент грустной мелодии пошла подборка кадров с погибшей.

– Ничего себе заявление: будем информировать! Он продюсер, а не следователь.

– Елена Пална, а ведь убийство ему на руку. – У Масловой был такой вид, словно на нее снизошло озарение. – Скандал – это реклама для будущего фильма.

– Думаешь?

– Конечно. Громкое убийство – тема для ток-шоу. Участники будут спорить, выдвигать версии и каждый раз упоми-

нать о фильме и сериале. Вот ему как раз это выгодно.

Петелина задумалась, выводя на бумаге карандашом имя продюсера. Имя получилось похожими на пилу. Она зачеркнула его и пробормотала:

– Мне передали его слова: даже в очень плохом всегда найдется хорошее.

– Думаете, это он? – округлила глаза Маслова.

– Не исключено.

– Если к убийству причастен Сонин, то он все продумал и уверен, что не оставил зацепок. Видели, как держится?

– Успешный продюсер всегда действует по плану, – согласилась следователь и неожиданно встревожилась. – Как долго снимают фильмы?

– Несколько месяцев и дольше, – пожала плечами Маслова.

– А съемки только начинаются. Если поддерживать интерес таким способом, то потребуются новые убийства.

Петелина нарисовала восклицательный знак и карандаш под ее рукой сломался.

Лет в четырнадцать Алла Ланская осознала, что красота – это не только внешний облик и «лайки» под фотками. У красоты есть поклонники, которыми можно управлять. Мальчишки готовы были драться за право угодить ей. От нее требовался лишь игривый вид и обещающая улыбка, сбивающая парней с ног. Победитель вознаграждался ее вниманием, а за особые заслуги она могла дать потискать себя, но в меру, чтобы не зазнавался. Искусством манипулирования с помощью кнута и пряника Алла овладела еще тогда.

Поклонников у нее было несколько. Особым блеском в глазах отличались двое – Игорь Рыков и Рома Щукин. Оба таяли от умиления при виде ее и глупели в общении. На их примере Алла убедилась, что влюбленный мужчина – это сочетание двух качеств: обожание во взгляде и нелепые поступки. Она поощряла своей дружбой обоих.

В школе ей больше нравился Игорь Рыков. Он занимался гимнастикой, мог крутить «солнышко» на перекладине, и у него были такие классные «кубики» на животе, все девочки балдели. Еще Игорь был смелым и лез в отчаянные драки. Но имелся у Рыкова и досадный недостаток – маленький рост. Повзрослев, Алла вытянулась, полюбила туфли на шпильках, а он так и остался компактным Аполлоном, с которым приятно кувыркаться в постели, но неловко ходить

под руку. К тому же, известным спортсменом Рыков не стал, увлечь умом и шутками не умел, да и с деньгами у него было не очень.

Другое дело Рома Щукин. Умный высокий мальчик поступил в технический университет, мог говорить на любую тему и помогал ей с гаджетами, в которых она ничего не понимала. Имелось еще одно обстоятельство, за которое Ланская была ему благодарна. Роман первым стал называть ее Аленой. Алена Ланская – звучное имя для будущей актрисы, не то, что устаревшее Алла.

После школы Алена пыталась поступить в театральное училище: куда еще пойти девушке с такими внешними данными? И поступила, правда, на следующий год, когда убедилась, что женская ласка сносит голову председателю приемной комиссии еще сильнее, чем подростку. Она научилась то ласково приближать мужчину к себе, то холодно отодвигать на второй план, однако удерживая на запасной орбите. Мало ли что, еще пригодятся. В жизни полно проблем, которые проще поручить преданному поклоннику, чем возиться самой.

На коротком поводке надежды она много лет держала и друзей детства: Игоря и Рому. Рыков пускал в ход кулаки по ее приказу, а Щукин был незаменимым специалистом в любой технике. Каждый из них бывал в ее постели, получая строго выверенную толику ласки, чтобы остались волнующие воспоминания с намеком на возможное продолжение,

если, конечно, он его заслужит.

После неудачи на киностудии, смертельно обиженная на режиссера Алена позвонила сразу обоим поклонникам. Встречу назначила в кафе.

Первым явился Щукин: вежливый, с цветами, в стильной одежде. Его глаза грустного интеллигента всегда пытались проникнуть в глубь ее души, но Алена по привычке загоразивалась десятком фильтров, формируя для зрителя тот образ, который ей был нужен в данный момент.

Затем явился пружинистый резкий Рыков. Короткая облегающая куртка, сжатые кулаки без перчаток, решительный взгляд из разряда – ради тебя зарюю любого. В отличие от Ромы, он смотрел не в ее глаза, а на ее фигуру. И конечно сморщился при виде соперника.

– Не понял, Алла. Ты сказала, хочешь встретиться со мной! – выразил он недовольство с ударением на последнем слове.

Алена демонстративно закатила глаза. Только Рыков и мама продолжали звать ее Аллой. Приходилось терпеть эту бестактность.

Услужливая официантка принесла вазу с водой для цветов.

– А это что такое? – скривился Рыков.

– Белые розы – любимые цветы Алены, – спокойно ответил Щукин, перехватывая благодарный взгляд общей подружки.

– Слушай, Щука, подарил цветы и свободен, – Рыков толкнул конкурента плечом.

– Как свободный человек я имею право быть здесь, – парировал Щукин и сел за стол напротив Алены. Он всегда выбирал место, чтобы удобнее смотреть в глаза.

Рыков сел между ними. Это было в его стиле: поближе к девушке, поближе к ее коленям, до которых можно дотянуться рукой. Алена молчала, потупив взгляд. А мужчины уже сцепились не только на словах. Рыков заметил, что столик сервирован на двоих, и стал перетаскивать приборы от Романа к себе. Щукин дал ему по рукам, тот ответил, ваза с цветами грохнулась на стол, разбив тарелку.

В наступившей тишине Алена встала из-за стола, взяла единственную не намокшую розу и вышла из кафе. Щукин бросил тысячную купюру на стол и поспешил за ней. Рыков осадил грозным взглядом пытавшуюся возмутиться официантку и вразвалочку прошел между столиками.

Первым догнал Ланскую Щукин. Он уже понял, что девушка расстроена не ссорой в кафе, а чем-то более важным.

– Алена, что случилось? На тебе лица нет.

Та не ответила.

– Это все из-за него, Щука задел вазу, – оправдывался подбежавший Рыков.

Алена продолжала идти молча, скорбно глядя под ноги. Соперники семенили по обеим сторонам от красавицы, не смея ее коснуться. Ланская свернула в родной двор. Она спе-

циально назначила встречу в районе, где прошли их школьные годы. Пройдя на заснеженную детскую площадку, Алена воткнула белую розу в сугроб и села на старые качели. Щукин встал напротив, Рыков рядом, вцепившись в дужку качелей.

– Меня подло обманул нехороший человек, – произнесла Ланская первую фразу за вечер.

– Кто? Только покажи, – сжал кулаки Рыков.

– Что значит «обманул»? – уточнил более спокойный Щукин.

– Обольстил, поигрался и предал, – горечь в голосе, несомненно, удалась.

– Обольстил? – выдохнул общую боль Щукин.

Оба знали, что у Алены есть другие мужчины, но она никогда вот так прямо не говорила о них.

– И ты называешь его нехорошим. Кто этот гад? Я его покалечу!

– Гоша Чантурия, режиссер. Пообещал главную роль в фильме, сказал, если я буду стараться... В постели с ним... И обманул. – Алена хлопнула носом и зарыдала, закрыв лицо руками.

Рука Рыкова дрогнула, железные качели сдвинулись, издав ноющий писк. Несколько минут тянулось тяжелое молчание. Затем Алена открыла заплаканные глаза, вытерлась салфеткой. Мужские сердца разрывались от боли и сочувствия.

– Вы отомстите за меня?

– Я изобью его, сломаю нос и ребра. Как скажешь, так и покалечу, – запальчиво поклялся Рыков.

Алена выразила недовольство:

– Нет, мы не школьники. Синяки заживут, кости срастутся. Наказать надо по-другому.

– Он унизил тебя, мы должны унизить его, – предположил Щукин.

– Мне сейчас плохо, ему должно стать еще хуже. Я знаю, как это сделать.

Верные поклонники во все глаза смотрели на девушку, ожидая продолжения. Она показала фотографии в телефоне.

– Чантурия-младший из семьи прославленного режиссера. А это его мать, актриса Валентина Морозова.

– Фотки старые, – недоумевал Рыков.

– Смотри на ее украшения. Здесь и здесь. – Ланская укрупняла фрагменты кадров. – Вот еще. Кулоны, серьги, кольца – это настоящие бриллианты и изумруды. Драгоценности хранятся в их квартире, в сейфе с кодовым замком. Гоша сейчас живет один и днем дома не бывает.

Алена умолкла, давая возможность друзьям самим закончить ее мысль. Первым догадался Щукин:

– Ты предлагаешь...

– Забрать их, – озвучила нейтральный термин Алена и с надрывом в голосе произнесла: – Наказать подлеца за то, как он поступил со мной. Его родители будут в ярости, а я получу компенсацию за унижение.

Девушка уткнула голову в плечо, изображая душевную скорбь. Друзья-соперники, переживая, смотрели на нее, затем переглянулись.

– Я согласен, – решил Рыков.

Щукин не мог отступить. Его мозг стал работать над практическими деталями плана.

– Где живет Чантурия? Как мы проникнем в его квартиру?

Алена встала с качелей, взяла за руки обоих парней и одарила каждого обещающей улыбкой.

– Я кое-что придумала. По четвергам к нему приходит домработница, он оставляет ее одну, без ключа. Закончив работу, она уходит, захлопывая дверь.

– Мы зайдем в масках и свяжем ее, – оживился Рыков.

– А если она закричит? – Ланская сжала руки друзей, желая понять, какие границы готовы они переступить ради нее.

– Обойдемся без насилия, – заявил расчетливый Щукин. – Домработница выносит мусор?

– Ну конечно.

– Тогда поступим так... – Роман изложил наскоро сложившийся план, и Алена похвалила себя: один поклонник умный, а другой безрассудно смелый.

– Остается сейф, – перешел к следующему этапу Щукин. – Можно выломать его и забрать с собой. Какого он размера?

– Сейф в шкафу, в спальне. Однажды я видела в зеркало, как Гоша его открывал, и запомнила код.

– Задача упрощается, – обрадовался Щукин.

Глаза Рыкова алчно заблестели:

– Сколько стоят бриллианты?

– Я думаю, миллионы. Поделим все поровну, – пообещала

Алена.

Но влюбленные дружно возразили, что она достойна большей части. Алена поцеловала каждого в щеку, слегка коснувшись грудью.

Сергей Петелин, как владелец транспортной компании, часто получал приглашения на торжественные мероприятия от фирм-клиентов и деловых партнеров. Обычно красивые открытки летели в корзину для мусора. Лишь в случае потенциального коммерческого интереса он отправлялся на вечеринку, чтобы пропустить пару стаканчиков за деловой беседой. Сегодняшнее приглашение на юбилей Израильского бриллиантового центра к таковым не относилось. Перевозкой бриллиантов занимаются специальные агенты и инкассаторы. Однако в буклете говорилось, что только в этот вечер гости смогут приобрести особые украшения, изготовленные в единственном экземпляре, по специальной цене.

«Лучшие друзья девушек – это бриллианты, – припомнил Сергей наставления Ольги Ивановны, – а израильтяне знают в камушках толк и ширпотребом не торгуют. Это знак». И он отправился на вечеринку.

Закрытое мероприятие проходило в ресторане рядом с бутиком израильской фирмы. На качественные напитки и закуски торговцы роскошью не поскупились. Пока гости расслаблялись за столиками, ведущий рассказывал об истории компании и драгоценных камнях, подчеркивая неуклонный рост цен на бриллианты независимо от кризисов.

К Сергею подседа красивая девушка, ослепила сливочной

улыбкой. Пожаловалась на подружку, которая подвела, на скуку и одиночество. Явно охотница за богатым спонсором. В былые времена подобное знакомство могло продолжиться в постели, но сейчас он отшил сразу:

– Ты прекрасна, спору нет, – выждал паузу и с той же циничной улыбкой припечатал: – но денег от меня не дождешься.

Гости постепенно дошли до нужной кондиции и началась самая красочная часть вечера. Девушки-модели в черных вечерних платьях демонстрировали ювелирные украшения. На них были кольца, браслеты, серьги, кулоны, броши, подвески и даже диадемы. Ведущий со сдержанным восторгом объявлял название комплекта, и девушка ходила между столиков, позволяя вблизи рассмотреть ювелирные изделия, цены на которые были указаны в рекламном буклете. Выверенная точечная подсветка причудливо преломлялась в драгоценных камнях, и наполняла полутемное помещение волшебным сиянием.

Украшения были вызывающе великолепными. Сергей присматривался: какое-бы из них подошло Елене, и с тоской понимал, что она постесняется надеть подобную роскошь. Разве что выбрать маленькие бриллиантовые серьги и преподнести с наивной шуткой: сережки от Сережки. Но тогда пропадет эффект, на который он рассчитывал: удивить и покорить щедростью.

Сравнивая цены в буклете, он убедился, что россыпь мел-

ких камней стоит дешевле одного крупного. А если подарить бриллиант без украшения? Тем более ведущий объявил, что после показа коллекции состоится аукцион по продаже уникального голубого бриллианта в пять карат. И нашел точные слова: «Бриллианты не шуба, они не выходят из моды и прослужат не только вам, но и вашим детям. Это семейная драгоценность».

Последняя фраза попала точно в цель. Семейная драгоценность – вот, что он подарит Елене.

Начался аукцион. Продемонстрировали драгоценный камень в стеклянном футляре и сертификат с его характеристиками. Стартовая цена быстро взлетела вдвое. Сергей забеспокоился, что ему не хватит денег на карте, но женщина-организатор услужливо шепнула, что сегодня достаточно заплатить двадцать процентов суммы. И торги продолжились.

Вскоре осталось лишь два претендента – он и пара у барной стойки. Женщина безрассудно подзуживала своего спутника и тот взвинчивал цену. Когда цена достигла стоимости роскошного автомобиля, Сергей не стал отвечать. Ведущий подогревал интерес, то замахиваясь молотком, чтобы закончить торг, то рассказывая шутки и давая возможность Сергею озвучить свою цену.

Петелин подошел к неуступчивой паре и раскрыл перед женщиной буклет с продемонстрированными ранее ювелирными украшениями.

– Дама, у вас прекрасный вкус, а ваш мужчина – щедр. Но посмотрите, за те же деньги вы сможете приобрести два лучших комплекта, – он обвел цены. – И еще останется, чтобы слетать в Милан за новым платьем.

Женщина бросила взгляд на камешек, подсвеченный на сцене, и уткнулась в буклет с прекрасными фотографиями. Сергей прибавил к цене символическую сумму и выиграл аукцион.

Его пригласили на сцену. Ведущий озвучил итоговую стоимость голубого бриллианта, поздравил с победой и спросил:

– Вы сегодня один, но я уверен, что уникальный бриллиант – подарок для очень близкого человека.

– Для любимой женщины по имени Елена. Матери моих детей.

– Bravo! Вы сможете заказать у нас любое кольцо под этот бриллиант бесплатно.

Сергей заметил, что организаторы ведут съемку. Когда его провели в бутик, чтобы оформить покупку, он попросил видеозапись со своим участием. Ему скопировали ролик на телефон.

Сергей взглянул на часы – хотя уже поздно, он уверен, что Лена не спит, – и переслал ей запись с его признанием. Дрогнет ли женское сердце?

Прошло пять минут. Метки показывали, что Лена получила и просмотрела ролик, но никак не отреагировала. И вот

пришло сообщение:

«Ты не ошибся адресом?»

«Этот бриллиант для тебя».

«У нас с тобой одна дочь, а ты говоришь про детей».

«Уверен, дети у нас еще будут. Я хочу вернуть тебя, Лена».

И снова в ответ тишина.

Елена готовилась ко сну. Неожидавшее видео смутило ее. Особенно тронуло последнее признание бывшего мужа – хочу вернуть тебя. Она не стала отвечать и пошла в ванную, чтобы, не дай бог, не проронить слезу при Марате. Да, она следователь со стажем, в ее работе не до сантиментов. Но в то же время она женщина. Ей хочется внимания, комплиментов, хочется красивых подарков и обычных цветов. И чтобы ее дети были желанными для ее мужчины.

Покидая спальню, она сунула телефон в тумбочку. Марат, лежавший в постели, уловил перемену в ее настроении. Несколько секунд он боролся с искушением, но услышав шум воды в ванной, достал телефон и просмотрел пришедшие сообщения.

Сердце словно пронзила острая заноза. Серега Петелин купил бриллиант за бешенные деньги. Для нее, его Лены! Он, сотрудник полиции, никогда не сможет себе такого позволить. Недавно исполнилась его мечта – стал майором. И что? Зарплата все равно меньше, чем у Лены, а уж про бизнесмена Петелина и говорить нечего. Что делать, брать взят-

ки?

Взволнованный Марат достал сигарету, вышел в гостиную и открыл форточку. Елена вышла из ванной, почувствовала неприятный запах и что-то недовольно буркнула. Голос показался ему особенно раздраженным и холодным. Ну да, конечно, она сравнивает их: один дарит бриллиант, другой – табачный дым. Он резко обернулся, собираясь ответить грубостью, и задел горшок с цветком. Горшок грохнулся на пол и разбился.

Елена сжала губы и ушла спать. Марат, чертыхаясь, занялся уборкой.

По неофициальному распределению обязанностей в криминалистической лаборатории Светлана Маслова отвечала за хранение реактивов и расходных материалов, а Михаил Устинов за работоспособность приборов и обновление программного обеспечения. Что касается легендарного скелета Василича, то его использовали оба, зачастую подкалывая друг друга.

Головастик пришел на службу позже Светланы и обалдел, увидев Василича, в кружевном бюстгальтере. Прочитав листок на бедрах скелета: «Мисс Вселенная, рентгеновский снимок», он убедился, что женщины, борющиеся с полнотой, для самоуспокоения прибегают к любым ухищрениям.

– Терпеть не могу тощих, – поддержал коллегу Миша.

– Ты еще скажи, что Мисс Вселенная не в твоем вкусе.

Головастик оценивающе прищурился на Василича:

– Если в полной темноте и после литра...

– Да ну тебя! – Светлана сдернула со скелета бюстгальтер. – Это, между прочим, вещдок.

– Откуда такая роскошь?

– Из морга. – она кивнула на разложенное на рабочем столе женское белье. – Лопахин прислал для исследования.

– Дорогое, наверное.

– Еще бы. – Маслова застегнула лабораторный халат,

скрывающий ее чуть полную фигуру, и проворчала: – На такие деньги я бы лучше комбинезон ребенку купила.

Она погрузилась в изучение нижнего белья актрисы Милены Рудаковой, а когда повернулась, чтобы сообщить о находке, увидела сидящего в кресле Василича в темных очках и с оскаленной челюстью. Инсталляция была развернута так, что «взгляд» скелета упирался в нее.

«От взгляда любимого пробегают мурашки по телу. Чувствуешь?» – вопрошала табличка на груди.

– Ой! – взвизгнула женщина, стала судорожно стряхивать с себя воображаемых мурашек и швырять их в Устинова.

Тот в страхе загораживался руками. Когда оба нахохотались и успокоились, Светлана вздохнула:

– Тебе не кажется, что по нам психушка плачет?

– Психологическая разрядка, – пожал плечами Миша. – Рассказывай, что не так с бельем?

– Сам догадайся. – Светлана продемонстрировала пятно на колготках.

– Физиологическая разрядка?

– Ты настоящий Головастик, – похвалила Маслова. – Вот предварительные результаты, взгляни.

Спустя час Михаил Устинов докладывал в кабинете Петелиной:

– Мы обнаружили кое-что интересное, – криминалист продемонстрировал снимки женского белья и результаты экспертизы.

– Миша, поконкретнее, – поторопила следователь, просматривая документы.

– Объясняю. У погибшей Рудаковой был секс незадолго до смерти. Как говорится – по-быстрому.

– Откуда такой категоричный вывод?

– Она почти не раздевалась. След семенной жидкости найден внутри колготок.

– А ты знаток, – хмыкнула Петелина.

Устинов смутился:

– Это Маслова обратила внимание на белье, а я установил время сексуального контакта.

– И какое же?

– Практически перед убийством. Менее чем за час.

– Интересно, – задумалась следователь, выводя карандашом на бумаге закрученную спираль.

Новый факт существенно расширял возможные мотивы убийства.

– Вообще-то, первым установил сексуальный контакт судмедэксперт Лопехин, – признался Устинов. – Он и передал нам белье для исследования.

– Тут важно время. – Петелина приклепнула карандаш и отодвинула бумагу. – На чулке, которым задушили Рудакову, что-нибудь обнаружили?

– Чулок был новым, неношеным. Никаких улик, – развел руки Миша, словно в этом была его вина.

Елена сняла телефонную трубку и позвонила Лопехину.

– Иван Иванович, я про Рудакову. На ее теле есть следы насилия, синяки, гематомы?

– На секс намекаете? – ухватил суть вопроса опытный судмедэксперт.

В кабинет следователя заглянули Валеев с Майоровым. Елена указала им ладонью, чтобы подсаживались ближе, и переключила телефон на громкую связь.

– Меня интересует: подвергалась ли Рудакова изнасилованию перед смертью?

– Явных следов насилия нет, а сексуальный контакт подтверждаю. В заключении я также укажу другой любопытный момент.

– Говорите сейчас.

– Милена Рудакова увлекалась пластическими операциями.

– Что вы имеете в виду?

– Ее формы: грудь и ягодицы. Она увеличила и то и другое.

Петелина удивилась: актриса моложе ее, а уже правит себя со всех сторон.

Валеев усмехнулся:

– Так вот, как делается красота. Не родись красивой, а найди хорошего хирурга.

– Это операции прежние, а вот недавно она занялась своим лицом и не вполне удачно, – отметил Лопехин. – Ей сделали подкожную инъекцию, но гель расплылся комками.

Вряд ли она сейчас была способна на обаятельную улыбку.

Петелина вспомнила, что об этом ей говорили на киностудии: мол, не видать Рудаковой главных ролей, лицо не то. Для амбициозной актрисы – это приговор. Чем не повод, обозлиться на весь мир и возненавидеть виновника неудачной операции.

– Про удушение что можете сказать?

– Думаю, был эффект неожиданности. Под ногтями у погибшей только волокна от чулка. Цапнула, пыталась сорвать удавку, но дотянуться до душителя не смогла.

Поблагодарив Лопахина и опустив трубку, Петелина обратилась к коллегам:

– Что скажете?

– На студии никто не признался в близости с Рудаковой, – напомнил Марат.

– А если удушение было элементом сексуальной игры? – оживился Майоров. – Сейчас фильм вышел по скандальной книге, там...

– Ой, странные фильмы смотришь, Ваня. И не вздумай с Галкой так экспериментировать, – пригрозила Петелина, перевела взгляд на шкаф с папками и нахмурилась. – Хотя секс, ссора и смерть часто соседствуют в уголовных делах.

– Еще ревность! – азартно дополнил Валеев. – Секс с одним, а придушил другой, из ревности. Как тебе такая версия?

Елена уловила вспышку обиды во взгляде Марта и кивну-

ла:

- Есть вспыльчивые ревнивцы. Немало, к сожалению.
- Доигралась. Не надо было провоцировать.
- Тебя послушать, так во всем виноваты женщины. – Елена поняла, что разговор приобретает личный характер, и поспешно перевела взгляд на эксперта. – Миша, разберитесь с ДНК на белье. Нам надо знать партнера Рудаковой.
- Предоставьте образцы для сравнения, тогда разберемся. Пока могу сказать, что в полицейской базе данных этот мужчина не фигурирует.

Петелина обратилась к оперативникам:

- Вот вам и задание. Нужно взять образы ДНК у мужчин из съемочной группы. Желательно без шума и огласки.
- Легко сказать, – проворчал Валеев.
- Помимо мазков изо рта подойдут волосы, зубные щетки, капли крови, – стал перечислять криминалист.
- Ты еще про плевки забыл.
- Попробуем, не в первый раз, – сгладил недовольство напарника Майоров.

Петелина развернула счет на медицинские услуги из сумочки Рудаковой.

- А я поеду в «Мамонов-центр». Там делали пластику. – Она набрала на ноутбуке в поисковике название клиники. – Центром руководит Геннадий Мамонов. Скромный товарищ.

Валеев тут же предложил свою помощь:

– Я тебя отвезу. Майоров на студии один справится.

– Я тоже сама справлюсь.

– Это опасно. – Марат запальчиво стал приводить аргументы. – Мамонов автоматически становится подозреваемым в убийстве. Хирург назвал клинику своим именем, значит, дорожит репутацией. Он на все пойдет, чтобы замять скандал. У него там шприцы, скальпели, наркоз. Помнишь, как вышло с Живорезом?

Елена дважды порвала листок с рисунком и выбросила в корзину. Воспоминания о том, как она оказалась в руках ма-
няка в медицинском халате, не доставляли ей радости. Она согласилась на помощь Марата. Если дойдет до задержания, с этой задачей лучше справится оперативник. Да и возражать Марату не хотелось. Она испытывала угрызения совести, от того что тайно общалась с бывшим мужем, пусть по переписке. Но Сергей сумел затронуть прежние чувства, и вчера она долго не могла уснуть, вспоминая то хорошее, чтобы было между ними.

Клиника пластической хирургии «Мамонов-центр» располагалась в помещении на первом этаже элитного жилого комплекса.

– Поближе к потенциальным клиентам, – оценила соседство клиники Петелина, когда Марат остановил машину.

В красивое здание следователь входила в благодушном настроении. Пришло ощущение, что уголовное дело простое, убийство совершил дилетант, он обязательно проявит себя, и она добьется признания.

В уютной приемной клиники их встретила девушка в обтягивающем халате, с тонкой талией и пышным бюстом. На ее лице не появилось ни единой морщинки, даже когда пухлые губы продемонстрировали стандартную широкую улыбку.

– Товар лицом, – шепнула Елена Марату.

– И не только, – ответил он, окунув взгляд в тесную ложбинку по центру декольте тесного халатика.

Елена одернула его, но медсестра привыкла к подобному вниманию, она для этого здесь и находилась. Девушка оценила возрастные морщинки на лице вошедшей, скользнула взглядом по ее фигуре и протянула анкету:

– Вы на первичный осмотр? Заполните пока, вас вызовут.

Марат невольно улыбнулся: обычно к себе в кабинет вы-

зывал следователь. Елена шлепнула поверх анкеты фотографию Рудаковой и щелкнула своим удостоверением перед носом девушки.

– Следственный комитет, – резко представилась она. – У вас лечилась... Вы оказывали услуги этой даме?

Лицо девушки охладело, она ответила заученной фразой:

– Мы не разглашаем информацию о клиентах.

– Придется. Мне нужно поговорить с господином Мамоновым.

– Геннадий Захарович сейчас занят. Если вы оставите телефон, он обязательно...

– Вместо телефона я оставляю повестки. Всему персоналу, – начала терять терпение следователь.

– Я к вашим услугам, – раздался голос из-за спины.

Петелина обернулась. Она узнала Геннадия Мамонова, фотографию которого видела на сайте клиники – гладкое лицо, восстановленные волосы, гордая осанка. Общее впечатление портил животик, который не был виден на фото.

– Я знал, что кто-нибудь из ваших придет, – признался владелец клиники, пригласив гостей в свой кабинет.

– Откуда?

– О смерти Милены Рудаковой сообщили по телевизору. Очень жаль ее. – Мамонов скорбно опустил взгляд.

– Вы чувствуете свою вину?

– В ее гибели моей вины нет, – открестился Мамонов. – Но Рудакова грозила подать в суд на клинику, обещала ра-

зорить меня.

«Он не дурак, не скрывает то, что скрывать глупо», – оценила признание следователь.

– Без причины такой скандал не устраивают, Геннадий Захарович. Рудакова лишилась хороших ролей.

Мамонов промолчал, красноречиво качнув подбородком: сожалею. Петелина продолжила разговор обязательным вопросом:

– Когда вы видели Милену Рудакову в последний раз?

– Она приходила сюда утром в день гибели, – без раздумий ответил владелец клиники. – Тогда и заявила про суд.

– Откуда вы знаете, в какой день ее убили? – быстро спросила следователь.

– Кажется, сообщили по телевизору, – чуть растерялся Мамонов.

– Вы видели репортаж?

– Сам нет. Мне пересказали сотрудники, и я понял... – хирург замялся.

– Что вы поняли?

– Что стану подозреваемым.

– Тогда будем говорить откровенно. У вас маленькая клиника, если разразится скандал, вы потеряете клиентов и разоритесь. Я правильно излагаю перспективы?

– Успех в нашем бизнесе зависит от репутации, – уклончиво ответил Мамонов.

– А репутация – это отзывы клиентов. Нет пациентки –

нет скандала. Ведь так?

Глаза хирурга вспыхнули, он перешел в атаку:

– Это я мог предъявить претензии Рудаковой. Она не оплатила последний счет.

– Вот этот? – Петелина продемонстрировала документ, найденный в сумочке актрисы.

– Да.

– Немаленькая сумма за испорченное лицо.

– Послушайте, Рудакова делала у нас грудь, липосакцию на бедрах, ягодицах. Ее фигура улучшилась, она была довольна, поэтому обращалась к нам снова и снова.

– Что же случилось в последний раз?

– Перед съемкой фильма Рудакова заказала контурную пластику.

– Что это такое? – заинтересовалась Елена: служебное положение позволяло узнать секреты искусственной молодости из первых рук.

– При контурной пластике используются внутрикожные инъекции. Это щадящий способ коррекции возрастных изменений. Так улучшают овал лица, избавляются от складок и морщинок, корректируют форму и объем губ. – Оседлав привычную тему, Мамонов заговорил уверенно и стал смотреть на следователя как хирург на пациентку. – Сейчас эта процедура весьма популярна. Никаких разрезов и швов, безболезненно можно корректировать отдельные участки лица. Гладкое лицо перестало быть привилегией молодости. На-

пример, вам бы я посоветовал округлить щечки и скулы. Личико станет более миловидным.

– Миловидным, – усомнилась Петелина и показала фотографию Рудаковой с последних кинопроб. – Как у нее?

– Это исключение, – махнул рукой Мамонов. – Досадное исключение.

– Что пошло не так?

Хирург сел за рабочий стол, вздохнул:

– Гель, введенный в носогубные складки расплылся по всему лицу, что привело к неблагоприятным последствиям. Однако с нашей стороны нарушений не было, пациентка сама виновата.

– В чем?

– Контурная пластика имеет свои противопоказания. Например, наличие заболеваний на стадии обострения. А Рудакова не предупредила нас, что принимает внутрь антикоагулянты.

– То есть, она пострадала из-за приема лекарств?

– Да! Но даже в этом случае нет трагедии. Я ей говорил: надо подождать пару месяцев, и я все исправлю. А там съемки, она ничего не хотела слышать.

Петелиной не понравился тон хирурга. От оправданий он перешел к обвинениям. Надлежало поставить его на место.

– Гражданин Мамонов, где вы были вечером в день убийства Рудаковой?

– Послушайте, неужели вы думаете, что я...

– Отвечайте на вопрос.

Глазки Мамонова забежали, он то скрещивал пальцы, то хватался за салфетку, которая мгновенно стала влажной.

– Понимаете, моими услугами пользуются очень известные люди. Знаете, у адвокатов и нотариусов принято вывешивать фотографии звездных клиентов, а я не могу – конфиденциальность. Даже рассказывать о них не имею права.

«Да он тщеславен. Отсюда и название клиники с собственным именем, и желание похвастаться знакомствами».

– Вопрос не о ваших клиентах. Вопрос о том, что вы делали в момент убийства Рудаковой?

– Я свободный мужчина и иногда продолжаю общение с клиентами вне клиники.

– В тот вечер вы тоже общались?

– Да.

– Сказали «а», говорите «б». С кем? Где?

– Я заезжал к одной из звездных пациенток. Но она ни за что не подтвердит это, потому что...

Мамонов умолк, вытирая лоб.

– Ты переспал с ней? – вмешался в разговор Валеев.

– У нас была близость, – выдохнул хирург.

– А может у тебя была близость с Рудаковой? – Валеев нагло взял салфетку, которой Мамонов вытирал пот, и демонстративно упаковал в конверт. – Мы это проверим.

– Вы хотите сказать, что если обнаружите на теле Рудаковой мою ДНК... Мы общались в тот день, она распускала

руки, я ее сдерживал.

– А что вы так разнервничались, Геннадий Захарович? Если вы невиновны, вам нечего бояться, – сказала Петелина.

– Я спокоен, спокоен, – стал уговаривать себя врач.

– Фамилия и телефон звездной пациентки, – настаивала следователь. – Иначе вы становитесь главным подозреваемым, и я вас задержу на сорок восемь часов. Для начала.

Мамонов нервно постучал пальцами по столу, написал на листке имя и телефон и протянул следователю:

– Вот. Надеюсь, мы будем встречаться по другому поводу. Готов предложить вам свои услуги.

– У меня что-то не так? – с вызовом спросила Елена.

– Нет предела совершенству.

– Тогда займитесь своим животиком.

Мамонов смутился, стал переключать бумаги, наткнулся на рекламный буклет и протянул его следователю:

– Здесь описание наших процедур. Вам и вашим коллегам. Начните читать с пятой страницы – контурная пластика.

– А это для вас и ваших коллег. – из сумочки на стол переместилась брошюра Уголовного кодекса. – Начните читать со сто пятой статьи – умышленное убийство. И никуда не уезжайте, я вас вызову.

Петелина и Валеев покинули кабинет. Марат направился к медсестре, притягивая ее внимание наглым обезоруживающим взглядом. Он умел нравиться женщинам. Облокотился о стойку, прошелся взглядом снизу-вверх по женской фи-

гуре, заглянул в глаза, выдержал паузу и спросил:

– Девушка, вы верите в любовь с первого взгляда или мне прийти снова?

Медсестра смутилась, а Валеев заворковал бархатным баритоном:

– Мне для спецоперации нужен халат медсестры. Такой, как у вас, неотразимая. Вы не откажете? Ваш начальник не возражает.

Девушка нервно затеребила пуговку на груди. Марат умоляюще закатил глаза:

– Только не сейчас, не снимайте, я растаю. Лучше подарите новый.

Смущенная медсестра достала из шкафа комплект: халат и шапочку. Валеев картинно приложил руку к сердцу:

– Я ваш должник. Какие колготки к нему посоветуете?

Медсестра вспыхнула и выставила ножку. Марат одобритительно кивнул:

– Черные, сногшибательный выбор.

Елена ревниво взидала на сеанс обольщения фигуристой пышечки, продемонстрированный ее мужчиной.

В квартире режиссера Чантурия домработница Юлия Чебану трудилась каждый четверг. В ее обязанности входила полная уборка, мытье посуды, стирка и глажка белья. Приходила она утром, сонный Гоша впускал ее, а когда заканчивала работу, хозяина, как правило, уже не было дома. Домработница забирала оставленные для нее деньги и захлопывала дверь на замок.

Иногда из спальни режиссера появлялась неодетая девушка, которая смотрела на Юлю, как на мебель, и совершенно ее не стеснялась.

На этот раз хозяин был один, явно с похмелья и в дурном настроении. Он разбил чашку, когда пил кофе, пнул осколки, выругался и ушел, бросив деньги на комод. И слава богу, вздохнула женщина: без хозяина работать было удобнее. Можно включить музыку и побаловать себя настоящим кофе из шикарной кофе-машины.

К трем часам дня расторопная Юля, как обычно, закончила уборку. Осталось вынести мусор и переодеться. Она достала пакет из-под мойки, вышла из квартиры и направилась на лестничную клетку к мусоропроводу. Дверь оставила распахнутой, чтобы не захлопнулась.

На площадке в приборном щитке копошился мастер в форменной куртке с английскими словами на спине. Вид ра-

ботающего человека не вызвал беспокойства: каждый делает свое дело, зарабатывает трудовую копеечку. Если это мужчина лет сорока, можно попробовать с ним познакомиться. А что, ей всего тридцать пять, есть сын-школьник и дочурка, а вот с мужем не повезло – был, да сплыл, урод.

Но лица работника разглядеть не удалось, он стоял спиной, а самой затевать разговор с мусорным пакетом было неудобно. Разве что на обратном пути попытаться познакомиться? Однако и возвращаясь в квартиру, заговорить Юля не решилась. На ней старые штаны и футболка, а он в фирменном комбинезоне. Инженер, наверное, и при жене – работающие мужчины нарасхват. Вон как увлечен работой, с головой залез в щиток. Не про нее такое счастье.

Домработница зашла в квартиру, мастер у щитка перевел дух. Ему не пришлось оборачиваться, хотя на этот случай Роман Щукин под руководством Алены отрепетировал чихание в платок. Но обошлось – для этой женщины он остался безликим электриком. План мести гнусному режиссеру перешел в решающую стадию.

Как только открылась дверь квартиры, Щукин послал сигнал напарнику, притаившемуся в заблокированном лифте. Когда загремел мусоропровод, Игорь Рыков быстро покинул лифт и юркнул в пустую квартиру. Расположение комнат он изучил по схеме, нарисованной Аленой. На его обуви были чистые бахилы, чтобы не оставлять следов, которые могла бы заметить домработница, а на руках резиновые перчатки.

Рыков быстро прошел в спальню режиссера и забрался под кровать.

Юля Чебану вернулась в квартиру, ничего не заподозрив. Переоделась, приснула на волосы духами хозяйки, забрала честно заработанные деньги и ушла. К ее разочарованию, ущитка интересного незнакомца уже не было.

После закрытия двери Рыков выждал пять минут – а вдруг что-то забыла и вернется – и выбрался из-под кровати. Его взгляд невольно сфокусировался на широкой постели, глаза помутнели, фантазия нарисовала неприличные образы. Здесь Чантурия раздевал ее, Алка отдавалась мерзавцу, а тот, как хотел, пользовался ее прекрасным телом. Убить его мало!

Из злого оцепенения Игоря вывела бесшумная вибрация телефона.

«Пора действовать», – написал Щукин, словно зная, что напарник может отвлечься.

Игорь обернулся и открыл трехстворчатый шкаф. Внутри, по заверениям подруги, имеется вмонтированный бытовой сейф. Так и есть, точно в указанном месте. Она видела, как его открывал хозяин, и запомнила код, назвав его углом. То есть она заметила не комбинацию цифр, а движение пальцев. Сначала слева направо по верхней строке, а потом вертикально вниз. Получается угол.

Рыков посмотрел на кнопочную панель, цифры располагались, как на калькуляторе. Он нажал последовательно 7-8-9

по горизонтали и 6–3 по вертикали – словно прочертил прямой угол. Попробовал повернуть ручку замка – никакого эффекта. Он воспроизвел уголок, в чем дело?

«Угловую девятку надо нажать дважды», – осенило его. Ввел исправленную комбинацию – опять мимо. Да что ж такое? Он повторил код, на этот раз аккуратно прикасаясь к каждой клавише. Они пищали, но замок не хотел открываться. Рыков разозлился, его мышцы напряглись, готовые действовать. А может, выломать этот сейф к чертям собачьим, утащить с собой и расколотить кувалдой?

Он пошатал сейф, проверил – привинчен снизу и сзади, возможно, к стене, но ему по силам разнести платяной шкаф и выдернуть железный ящик. Не такой уж он большой, поместится в сумку с инструментами, которую приготовил Щукин.

Игорь позвонил напарнику:

- У нас проблема. Сейф не открывается, код не подходит.
- Козел мог сменить код, – расстроился Щукин.
- А я могу выломать сейф и забрать с собой.
- Подожди. Открой мне дверь.

Рыков впустил напарника в квартиру. Щукин прошел в спальню, осмотрелся. Лег на кровать, уставился в раскрытый шкаф. Игорь решил, что его гложет та же ревность.

- Представляешь, Алла здесь с ним... Сколько же раз гнусный козел ее...
- Не мешай, – прервал сосредоточившийся Щукин.

– Я бы его покалечил, отбил причиндалы.

– Вряд ли он показывал ей код...

– Алка хитрая, подсмотрела.

– Она лежала в постели, а он подошел к шкафу. Она видела код через зеркало! Ну, конечно! – Щукин хлопнул себя по лбу. – Как я сразу не допер! Уголок надо делать не слева направо, а наоборот. Зеркальное отражение.

Он вскочил с кровати, шагнул к сейфу и набрал 9-8-7 справа налево и 4–1 вниз. Роман взялся за ручку, переглянулся с приятелем и повернул замок. Сейф открылся. На лицах начинающих грабителей расплылись торжествующие улыбки.

Внутри оказалась шкатулка с драгоценностями, несколько швейцарских часов и конверт с деньгами.

– Часы мы брать не будем, – решил Щукин и объяснил напарнику: – На часах номера, можно попасться.

– Как на машине, что ли? – фыркнул Рыков и перевел взгляд на полку с нижним бельем.

Пока Щукин укладывал шкатулку в сумку для инструментов, его напарник подцепил черную комбинацию и рассмотрел ее. Белье оказалось порванным. Глаза Рыкова распахнулись от злости, рот ощерился:

– А ведь это я ей подарил. Выбрал самую красивую, возбуждающую, а старый козел сорвал с нее и...

Он зарычал и смахнул рукой хрустальную вазу с комода. Та ударилась о стену, шлепнулась на пол и раскололась. Ры-

ков в ярости подхватил крупный осколок и разрезал им картину на стене.

— Ты что творишь? Мы же договорились действовать тихо, незаметно.

— К черту! — отмахнулся Рыков, переходя в гостиную. — Бить Чантурия мне не дали, так пусть знает, что его кто-то люто ненавидит.

В одной руке он сжимал скомканную комбинацию, а в другой треугольный осколок хрустальной вазы. Он размахивал обеими руками, кромсая полотна картин в пышных рамах, разбивая кубки и статуэтки.

Щукину потребовались недюжинные усилия, чтобы обуздать напарника и утащить из квартиры, пока не всполошились соседи.

В салоне автомобиля гремела музыка, Валеев вел машину с ребяческой беззаботностью, разве что не лихачил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.